

Игорь Евгеньевич Пронин
Чистилище. Побег
Серия «Чистилище», книга 8

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9524977
Чистилище. Побег: АСТ; М.; 2015
ISBN 978-5-17-089527-4

Аннотация

Через тридцать лет после того, как рухнула цивилизация, потомки выживших пытаются сохранить то немногое, что еще напоминает о былом величии человека. Им приходится сражаться с огромными стаями мутантов и находить себе скудное пропитание, чтобы не умереть с голоду. Большинство общин ждет неминуемое одичание, поэтому те, кто не согласен безропотно покориться судьбе, отправляются в рискованный путь на юг. Максиму, жителю одного из гибнущих поселений, предстоит доказать самому себе и товарищам, что он способен бросить вызов жестокому миру, и убедиться, что никакое оружие не способно помочь тому, кто недостоин его носить.

Содержание

Часть I	5
Глава первая	5
Глава вторая	13
Глава третья	21
Глава четвертая	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Игорь Евгеньевич Пронин

Чистилище. Побег

© Тармашев С.С., 2015

© Пронин И.Е., 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Издательство благодарит Сергея Тармашева за предоставленное разрешение использовать название серии, а также уникальные мир и сюжет, созданные им в романе «Чистилище».

Другие произведения, написанные российскими фантастами для межавторского цикла, являются их историями, Сергей Тармашев не является соавтором этих романов и не читает их. Создатель «Чистилища» дал литераторам полную свободу, разрешив войти в мир проекта, но сам он несет ответственность только за собственную книгу.

Часть I Осень

Глава первая Тень над будущим

Все утро Максим вместе с Валькой таскал корзины с песком, подсыпая изнутри южную стену. За последнее время она опасно накренилась внутрь и весной, когда все начнет таять, вполне могла завалиться. Вообще вся Цитадель нуждалась в серьезном ремонте, но как его осуществить, Максим не понимал, а раз не понимал, то и не приставал пока к Голове. Тот и сам все видел и все пытался создать раствор для скрепления кирпичей на основе куриных яиц. Что-то даже получалось, да только все равно был раствор нестойким. При строительстве Цитадели использовали цемент, тогда весь и извели. Теперь оставалось только подпирать те стены, что имелись, и надеяться на лучшее.

– Максим! – Алла, рыжеватая пятнадцатилетка, примчалась бегом и уставилась на него влюбленными глазами. – Максим, тебя Голова зовет!

– Подождал бы – немного осталось! – проворчал Максим. – Что-то срочное?

– А я не знаю! – Алла чуть смутилась. – Наверное, раз зовет.

– Ступай! – посоветовал Валька. – Я один, по полкорзинки, потаскаю еще. Он когда тебя зовет, то что-то важное. Для обычных дел и Косой, и Андрюха сойдут, а тебя Голова уважает.

– Уважает, как же!

Сплюнув для солидности, Максим подпоясал ветхую рабочую рубашку тонким ремешком, найденным как раз при строительстве Цитадели, и отправился к главе общины. Денек выдался погожим, даже жарким, хотя осень уже вошла в силу. Почти все общинники, за исключением стражи и мелких, разбрелись по делянкам в лесу собирать урожай. Судя по тем корзинам, которые уже доставили в Цитадель, в этом году зимой придется серьезно экономить. Зато грибов уродилось на славу! Во внутреннем дворе Цитадели всюду висели аппетитные связки. Под ними копошились мелкие, которые встретили Максима дружным ревом – привлекали внимание. Где перешагивая через детей, а где и отодвигая их ногами, Максим пробрался к теплой избе.

Голова стоял перед столом и теребил свою редкую, белесую бороденку. На столе перед ним лежали двое мелких, близнецы. Эту пару родила Татьяна, они были ее первыми и с самого начала оказались очень болезненными. Татьяна вроде бы выходила их, но мальчишки медленно росли и едва шевелились, даже ели плохо. Теперь оба лежали перед Головой.

– Во как! – удивился Максим. – Сразу оба?

– Ага, за ночь. У двери в погреб лежали, вот только что нашел, случайно. Сколько им?

– По четыре должно быть, – припомнил Максим. – Таньке тогда тринадцать было.

– Рано рожать в тринадцать! – поморщился Голова. – Но они разве слушают? Быстрей, быстрей, лишь бы не обратиться. Зря только на этих двух харчи переводили. Ладно, дело теперь прошлое. Я что тебя позвал-то... Надо их схоронить.

– Ну... – Максим не понял, в чем проблема. – Ну да. А что?

– Да то! – Голова прошелся вдоль длинного стола, стуча по дощатому полу босыми пятками. – В общем, летом Алешка чем-то в лесу отравился, помнишь? Ну, мелкий Алешка, конопатый такой. От Василисы.

– Помню. – Максим пожал плечами. – Ему лет семь уже было. Поганок небось обожрался, дурень! Или ягод каких-нибудь.

– Ну вот! Помнишь! – Голова сжал губы в тонкую нитку, будто не решаясь что-то сказать. – Я Андрея отправил в лес, прикопать его. Тогда не очень спокойно было, муты вроде соседи видели за рекой... Он позвал своих приятелей, вот они и пошли: с колами, с кистенями. Я еще не хотел столько бойцов сразу отпускать, но Андрей меня не послушал. Он же как вымахал здоровенный – никого не слушает! Батя его обернулся в прошлом году, сам знаешь. Вот они и пошли Алешку того хоронить.

– И что? – Максим начал терять терпение. – Ты дело-то говори, что ты как кашу по тарелке размазываешь?

– Съели они его, – тихо сказал Голова. – Точно знаю. Зажарили и съели. Проболтался кое-кто. Ну, я по-тихому с Андреем поговорил. Я говорю: муты – другое дело, но люди не должны есть людей, даже мертвых. Мы ведь не как муты, мы люди! А он мне: чего добру пропадать? И вообще, мол, если малой какой болеет, то все равно не жилец, и почему бы его не... Не употребить в пищу.

Максим обомлел. Это же табу! А табу – это то, чего делать нельзя ни в коем случае! Да, когда батя Андрюхи обернулся мутым, его убили и съели, так было. Но таков закон: тот, кто обернулся, отдает общине то, что может. Такое правило еще на старом месте приняли, когда Новосибир был жив. Мяса-то ведь почти нет, с лягушек не разжиреешь. Но тогда же было сказано: люди – табу. Навсегда.

– Табу, – только и выговорил он.

– Нет, выходит, для Андрея табу, – прошептал Голова. – А это страшно, Максим, ты его бойся. Но и для тех, кто тогда с ним ел, тоже нет табу – так, получается? Ох, боюсь я этой зимы. Мелких много, а урожай невелик. Даже лягух в корчагах меньше прошлого года – соли-то нет почти.

– Надо к соседям идти, менять.

– И менять не на что, и соли у соседней лишней нет, – вздохнул Голова. – Соль издалека идет, через много рук. Если где-то муты перебили общину или, может, караван какой не дошел до цели – на год можно без соли остаться, а то и на два.

– Без соли не перезимовать! – испугался Максим.

– То-то и оно! Я помню одну зиму, на старом месте. Капусты не было, огурцов, вообще ничего, одно зерно. Люди друг на друга кидаться начали, а у некоторых зубы выпадали. Как зелень первая появилась, я сам любые листочки жевал, лишь бы зеленые. Если следующая зима будет без соли – Андрей с цепи сорвется, так и знай. А с ним его приятели, Косой и остальные. Но это беда не скоро придет, а сейчас беда – вот лежит.

– Так ты хочешь, чтобы я их по-тихому схоронил, один? – догадался Максим. – Так бы и сказал, это можно.

– Можно, да только осторожно! – Голова поднял к низкому потолку кривой палец. – Андрей на них уж поглядывал, говорил: скоро мяса пожарим! Вроде шутил, а вроде и нет. Ни к чему нам перед трудной зимой его аппетит пробуждать, понимаешь? Поэтому унеси тихонько и закопай подальше от Цитадели и подальше от делянок. И пусть тебя разведчики не видят, там же все приятели Андрея. Сможешь?

– Смогу, – кивнул Максим.

Наконец-то у него в голове все сложилось. Можно было это дело и кому-нибудь из старших поручить, но, во-первых, они на делянках, а во-вторых, мимо разведчиков так, как Максим, старшие пройти не смогут. Он же и сам немало посидел в дозорах на деревьях, а сколько еще предстоит. В этом году муты вблизи Цитадели пока не появлялись, но это может произойти в любой момент. Осенью муты идут на юг, весной – на север.

– Я пойду в сторону Осотни, – решил он. – Там Косой в секрете сегодня, но он за рекой наблюдает, а я только сотню метров пройду и прикопаю в кустарнике. Там земля мягкая. С холма Косой не заметит.

– Делай, как знаешь. Только не попадайся, прошу! Нам обострения отношений сейчас никак нельзя допустить.

Вздыхнув, Максим снял ремешок и связал им два худеньких детских тельца. Голова отвернулся, и со страдальческим выражением на лице уставился в крохотное окошко, забранное стеклом. Максим выругался про себя: от этого Головы никакого толка не было с самого начала. Слишком робок. Хотя и его можно понять: здоровенный, наглый Андрей после обращения своего бати действительно забрал себе немало власти. Теперь почти все молодые, кто покрепче, в рот ему смотрели. Взрослых меньше, понятное дело, да и не бойцы многие из них – у кого половины руки нет, как у Коли, у кого нутро больное. Вообще, взрослые в основном – плохие работники. Говорили, что это все от питания и что в прежние времена и в тридцать, и в сорок лет люди еще считались молодыми. Максим не знал, как к этому относиться: в общем-то, они не голодали, и выращиваемого на множестве делянок в лесу зерна хватало на общину. Мелкие, само собой, ели последними, ну так на то они и мелкие. Мяса, конечно, не хватало. Максим помнил еще, как на прежнем месте держали трех коз и мелким давали каждый день хоть по глотку молока. Но коз сберечь не удалось. До постройки Цитадели дожила лишь одна курочка, первое время несла яички. Но без петушка цыплят не было, а потом и курица перестала нестись. Ее зажарили взрослые, Максим помнил этот запах, но он был еще слишком молод, чтобы рассчитывать хоть на кусочек. На старом месте может быть, наоборот, все отдали бы мелким, но в Цитадели многое изменилось. Из тех, кто помнил прежние времена, сюда уже почти никто не попал.

«Чертовы соседи, гады озерные! – вспоминал Максим, с невесомым грузом на плече проталкиваясь сквозь ораву мелких. – Продали бы нам тогда петушка – может, все бы по другому складывалось. Но их жадность обуяла: покупайте яйца! Ага, покупали. А потом у озерных какая-то болезнь кур погубила, и им тоже никто цыплят не продал. Теперь и они яйца покупают! Только они раствор хороший знают, как на яйцах делать, а нам не говорят. В чем смысл? Вот погубят нас муты, и будет от озерных до Березового сруба такое расстояние, что за день не дойдешь, а спрятаться негде, и зимой согреться негде. Что за люди?»

Он покинул Цитадель и осторожно заглянул за угол стены. Валька, сильно прихрамывая, таскал песок, Алла помогала ему. У девчушки никак не получалось забеременеть, а ведь для женщин это надежная страховка от обращения. Алла все сильнее боялась и была готова уже на все, это было известно. И Андрей, и Косой, и остальные как хотели ею пользовались, вот только толку не было никакого. Максиму было жалко девушку, но сам он на ее заигрывания не реагировал. Не то чтобы брезговал, а скорее просто не хотел связываться. А может быть, и вовсе не хотел своих детей в Цитадели, Максим еще сам не мог в себе разобраться. Скоро двадцать и пора бы что-то решить. Невест полно, мелкие – все равно что общие и в то же время ничьи, но что-то мешало. Хотя Голова уже начинал вести с ним робкие разговоры, напоминая, что чем больше мелких, тем больше у общины будет и бойцов, и работников, а когда детей рождается мало, то это путь к вырождению.

Рывком Максим преодолел пару сотен метров, отделявших Цитадель от соснового бора. По подлеску уже следовало пройти с косой, а то весной лес сделает шаг к их крепости. Допускать такого не следовало: часовые не могли постоянно пребывать в напряжении, и случалось так, что муты замечали не сразу. Оказавшись среди сосен, Максим поправил закрепленные в петлях на портках с помочем кистень и рог – так принято было называть закрепленный на длинной деревянной рукояти кусок заточенного металла. Сразу за острым наконечником располагалась поперечина, не позволявшая муту насадиться глубже. Твари не боялись боли, а рядом с добычей забывали и о самосохранении. Рог должен был остановить

мута на мгновение, которое следовало использовать для удара кистенем. Если повезет, мут, оглушенный, замрет, тогда надо поскорее его добить. Это, понятное дело, если рядом не будет других, потому что даже с двумя в одиночку справиться нет никаких шансов. Да что с двумя! Попадались разные виды гадов. Одни прыгали так, что легко перемахивали не то что рог, а и полноценную длинную рогатину. Другие, длиннорукие, даже получив острие в горло, могли одним ударом расколоть человеку череп.

«Не дело по осени в одиночку бродить! – подумал Максим. – Но ничего не поделаешь. Нужно только закопать мелких поглубже, а то как гнить начнут – муты за версту почуют!»

Он, прищурившись, присмотрелся к сосне на холме. Там, в уютном сторожевом гнезде, притаился Косой. Его сектор – далекая речка Осотня, вдоль которой обычно и мигрируют муты. Поэтому присматриваться к тем кустам, к которым направлялся Максим, он не должен. И все же следовало быть очень осторожным: несмотря на прозвище, вызванное врожденным косоглазием парня, имени которого Максим даже не помнил, дозорным он был весьма зорким. Других община и не могла себе позволить: от них зависела жизнь всех.

Оказавшись под прикрытием уже желтеющей, но все еще густой листвы, Максим опустил тела на землю, снова подпоясался драгоценным ремешком и принялся копать могилу. Дело непростое: лопат в общине не было, если не считать деревянных, которыми отгребали зимой снег подальше от стен. В прежние времена, как он слышал, металла было много, и чего только из него не делали. В том числе лопаты: острые, прочные, способные быстро выкопать яму в любом грунте. Теперь же Максиму приходилось сперва разрыхлять землю рогом, а потом вычерпывать пригоршнями. Учитывая, что могила должна была быть глубокой, работе предстояло растянуться до вечера. Был бы рядом Валька – дело спорилось бы куда лучше, Валька не привык отлынивать от трудов. С детства хромой, он изо всех сил старался доказать, что может быть полезен общине. Особенно последнее время, когда Андрей и его приятели начали наглеть и все чаще задирали хромого. Пока взрослые поддерживали и защищали Вальку, но после сегодняшнего разговора с Головой Максим не был уверен, что это продлится долго. Молодых больше, они сильные и злые, а Голова не способен приструнить их, характер не тот. Да и поздно уже, раньше надо было наводить порядок.

Он ненадолго прервался, чтобы отдохнуть, и задумался. То, что Голова у них так себе, не умеет заставлять других подчиняться себе, это ведь еще было полбеда. Настоящая беда была в том, что случись что с Головой – следующий будет не лучше. По традиции Головой становился самый старший мужчина. И вот теперь Максим впервые в мудрости этой традиции усомнился. Загибая пальцы, чтобы не сбиться, он прикинул четверых следующих, дальше просто не был уверен, кто из взрослых старше. Выходило, что никто из них не сможет справиться с Андреем. Не то чтобы они были слабаки – в общем-то, все характером покруче нынешнего Головы. Но... Один откровенно глуп, с детства, говорят, такой, второй не умеет ладить с людьми, третий без руки... Мало было надежды, что они смогут поставить Андрея на место и заставить подчиняться. Тем более если он уже одно табу нарушил и никак не был за это наказан.

– А что бы я делал, если бы стал Головой? – прошептал Максим, снова принимаясь за работу. – Вот так надо задачки решать. Эх, батя, не помню я тебя... Не с кем посоветоваться. Не с Валькой же? Хотя на безрыбье и рак рыба. Валька Андрея боится, может, и посоветует что. Кстати, я забыл, что это за рыба такая – рак? Выходит, что не рыба... Надо опять спросить у взрослых. Но пока вопрос: а что бы сделал я, если бы был Головой? Я сам, без советчиков?

Утирая пот, начинавший неприятно щипать глаза, Максим продолжал бормотать себе под нос, стараясь сделать работу побыстрее. Конечно же, он боялся. Не так уж часто общинники оказываются одни. Такого, вообще-то говоря, и быть не должно! Тем более что Максим

хоть вроде бы и не взрослый, но на самом-то деле давно уж в том возрасте, когда можно обратиться в мута.

– Вот что ты скажешь, Голова, если я сейчас обращусь? Ведь никто меня не заметит! Я прямо к Цитадели пойду, а там и Валька, и Алка... Да, меня заметят, конечно. Оксана заметит. Только она беременная – это раз, и узнает меня – это два. Пока приглядится, пока сообразит, что со мной... Вполне могу добежать! Если ворвусь в дом – устрою мелким веселую жизнь! Как там дядя Толя говорил? «Это будет цирк, товарищи, это будет цирк!» А потом он обратился, и действительно был цирк: маме чуть руку не отгрыз. Вот и я так же, и...

Он резко замолчал и перестал выгребать землю. Какой-то звук донесся от реки. Припав к траве, на полусогнутых ногах, Максим сместился к зарослям кустов. Послышалось? В лесу крупного зверя редко когда встретишь, всех почти пожрали муты. Птицы – и то нечастые гости, весной твари чуют их птенцов, когда те вылупляются, и лезут на деревья, к гнездам. Падают, даже расшибаются иногда, но все равно лезут. Но ведь треснула сухая ветка, метрах в ста с лишним, ближе к реке! Это не белка была, и не мышка! И в то же время – не треск дерева, не шум ветра. Звуки леса Максим, с детства приученный жить в страхе, различал хорошо.

Снова хруст! И тут же еще один, чуть в стороне! И затрещали мелкие веточки под тяжелой поступью уже не пытавшихся скрыть своего приближения мут. Эх, если бы не ветер! Тогда Максим услышал бы их гораздо раньше. Их было, как минимум, двое, и оба, уже переходя на тяжелый бег, приближались к жертве. Ветер дул к реке, там они его и учуяли. Максим думал об этом, уже набирая скорость. Так учили: от мут беги сразу, но и сразу начинай думать, потому что убежать ты от них не сможешь. Это всего лишь выигрыш нескольких секунд.

«До Цитадели не добежать! Постараться ударить первого, а потом уж сцепиться со вторым один на один? – Кистень уже был в руке, рог – в другой, руки сами знали, что делать. – Слабый шанс, он же бежит за мной, даже если попаду, подомнет, завалит! А второй рядом, и это еще если нет третьего! Не о том, не о том думаешь... Вот! Неужели успел?»

Прежде всего – это же каждому мелкому ясно! – надо было добежать до деревьев. Для похорон Максим выбрал заросшую кустарником поляну, и от ямы до ближайшего дерева было всего-то метров тридцать. Но ведь их еще надо успеть пробежать, а ближайший мут мог оказаться куда ближе, ведь Максим мог услышать только его отставших товарищей. Но он успел. Молодой клен, не слишком толстый, но уже крепенький, оказался прямо перед ним. Рог в зубы, кистень – на отлет! Не сбавляя скорости, Максим прыгнул как можно выше, зацепившись за ствол свободной рукой, и крутанулся вокруг клена, сдирая кожу с ладони. Мут был совсем рядом, в двух метрах, а для них это не отставание. Однако маневра человека тварь не просчитала, и крепкое, поросшее белесым волосом тело пронеслось мимо. Кистень, удар которого после такого замаха наверняка проломил бы ему затылок, просвистел по воздуху впустую – мут, тормозя так, что твердые пятки врылись в землю, оказался уже слишком далеко.

Второго Максим заметил краем глаза, пока не отвлекаясь. Он набегал следом, но был еще слишком далеко для прыжка. Бросив кистень на плечо, так, чтобы тяжелая рукоять уравновесила привязанный к крепкой веревке груз, он полез вверх по дереву, на котором висел. Полез – громко сказано, у него в запасе было меньше секунды. И все же успел, подтянув ноги к самой груди, оплести ими ствол и распрямить тело, дотянувшись до нижних веток. Максим тут же повис на них, забрасывая ноги как можно выше. Когти прыгнувшего мута содрали кусок коры, но не дотянулись. И снова Максиму повезло: прыгнувший с разбега второй мут после промаха налетел на первого, развернувшегося, и оба покатались на землю. Вскочили твари мгновенно, но беглец уже забрался еще выше и изготовился, замахнувшись кистенем. Теперь он имел некоторое преимущество.

Они одновременно кинулись к стволу и опять столкнулись, и тогда тот, что бежал первым, покрытый бесцветными волосами, рыкнул на своего приятеля. Это был первый звук, который издали муты, до этого слышалось только хрипкое дыхание. Второй, сразу присев перед более рослым хищником, отступил и уставился на Максима ненавидящим взором.

«А могут ли услышать? В Цитадели вряд ли, листья шумят, погасят звук. Но, может быть, Косой обратит внимание? – подумал Максим, готовясь нанести первый удар. – Сосны мешают, ну как назло!»

Сильнее стиснув зубами рог, он ударил по косматой голове ползущего рывками вверх мута. Такой удар уложил бы человека на месте, да и свежеобратившегося тоже. Но с мутами что-то происходило: у них утолщались не только мышцы, но и кости. А уж эти двое на обратившихся совсем не были похожи, эти и родились мутами. Такого может пронять только удар по затылку или по шее, если попасть прямо по позвонкам. Но Максим ударил чуть раньше, чем нужно, и кистень не дотянулся до чувствительных областей. Так что мут лишь крякнул, подался вниз на полметра, прикинул расстояние до жертвы и снова рванул вверх, одновременно заходя с другой стороны ствола. Максим замахнулся, мут тут же спрятал голову, прижался лбом к коре.

«Хитрый! – Максим уверенно, с оттягом, ударил по кисти. Камень, служивший грузом, от души размозжил плоть, так что кровавые клочки полетели в стороны. – Нравится?»

Мут сорвался вниз не от боли, а скорее от неожиданности. С изумлением уставившись на непослушную руку, он озадаченно завыл. На его место тут же прыгнул второй, помельче. Его почти лысую голову украшала длинная черная борода с проседью. Глубоко впиваясь желтыми когтями в кору, используя при этом и руки, и ноги, он легко поднялся вверх, туда, где кистень достал его товарища, и замер. Тогда Максим предпринял контратаку: опасно свесившись вниз, дотянулся все же кистенем до твари. Это едва не кончилось плохо: людоед махнул лапой навстречу, смягчив удар, и попытался захватить оружие. К счастью, его ладони все же немало досталось, она частично утратила чувствительность, а Максим не зевал и тут же выдернул кистень вверх. А потом мут просто съехал по стволу вниз, оставляя когтями длинные белые царапины: товарищ ухватил его за ногу и потянул.

– Хочешь еще? – прорычал Максим, не разжимая зубов, крепко сжимавших рог.

Он почувствовал себя увереннее: отбил уже две атаки! Правда, его положение на раскачивающемся молодом деревце трудно было назвать устойчивым, да и поза была неудобной: ноги следовало держать как можно выше, чтобы не дотянулись длинные руки мут. Теперь «блондин» лез не так быстро: пальцы разбитой руки его не слушались, и он держался за ствол локтевым сгибом. Улучив момент, Максим бросил взгляд на его приятеля. Бородач, щуплый по сравнению с большинством мут – наверняка обратившийся! – оказался хитрецом, и теперь, бочком, отступал к яме, которую так и не успел закончить Максим. Там остались лежать тела совсем недавно умерших мелких. Отличная добыча! Вот бы и второй это сообразил – тогда можно было бы попробовать пробежать хоть на сто метров ближе к Цитадели и с другого дерева, повыше, послать сигнал бедствия Косому. Двое мут не большая беда, и, если зажечь факелы, с ними вполне можно справиться. Но пока к Максиму все ближе подбирался здоровяк.

На какой-то момент он замер, продолжая разглядывать жертву крохотными серыми глазками, и вдруг смачно, всхлюпывая, стал сосать окровавленную кисть. Он был голоден и был согласен на любую кровь.

– А ты сожри свою руку! – посоветовал Максим. – Сожри, тупая тварь! А потом и ноги!

Однако мут, проглотив кровь, предпочел продолжить охоту. Теперь он держался за ствол лишь одной рукой, а раненой прикрывал голову. Максим ударил пару раз по размозженной кисти, но муты чувствуют боль совсем не так, как люди. Тварь только взвизгнула разок и подвинулась еще выше. Такая тактика могла принести гадине успех: ему достаточно

было схватить Максима, не важно, за что. Хватку уже не сбросить, и падение с дерева неизбежно. Внизу ему настанет конец. Максим попробовал повторить фокус с ударом по кисти, но мут был готов и опять отмахнулся раненой рукой, которую совсем не жалел. Нужно было предпринять что-то особенное, на раздумья оставались лишь мгновения. И Максим сделал первое, что пришло ему в голову.

Он опять попытался атаковать здоровую руку мута, и тот, кажется, даже с ехидной ухмылкой, снова отбил удар. Но в этот раз Максим лишь использовал отвлекающий маневр и, не вложив в удар кистенем силы, врезал по незащищенной голове гада обеими ногами. Удар вышел на славу, от боли в босых пятках даже в глазах потемнело. Но самое главное – мут сорвался. Когти руки еще продолжали цепляться за ствол, но он повис на них всем своим тяжелым телом и миг спустя полетел вниз.

– Ага! – Максим на миг вытащил рог изо рта и сплюнул на лохматую голову противника накопившуюся слюну. – Меня не возьмешь!

Сидевший на земле мут, несколько ошарашенный ударом и падением, вытер со лба плевки и облизнул пальцы. Потом ноздри его вдруг раздулись, и людоед закурился головой. Послышалось раздраженное ворчание.

– Да! – подначил его Максим, хотя знал, что тот не поймет. – Да, этотдохлый придурок там жрет, пока ты дерешься! Задай ему!

Мут вскочил и бодрой рысцой направился к яме. Там, не вполне видимый за кустами, присел на корточки его напарник и глодал тонкие косточки мелких. Даже Максим, сквозь собственное тяжелое дыхание, различил хруст. Бородатый так увлекся, что не услышал, как к нему подкрался сзади товарищ. С дерева Максиму было не очень хорошо видно, но, судя по всему, «блондин» начал с крепкого удара по голове, а уж потом вырвал из пасти тощего мута то ли ногу, то ли руку. Пойманный с поличным хитрец злобно рыкнул в ответ, но отскочил и снова присел. Два трупа – хоть на пару минут, а хватит обоим! Максим еще не решил, что делать, но заскользил по испачканному кровью стволу вниз, стараясь не выпускать из глаз людоедов.

Ноги коснулись земли, и он распрямился, почувствовав боль в мышцах живота, которые все время были в напряжении. Что теперь делать? Бежать к Цитадели? У мутов прекрасный слух, и даже если их обоняние сейчас «забито» запахом почти свежих трупов, побег не останется незамеченным. Если пустятся в погоню, то настигнут в два счета, он даже позвать на помощь не сумеет – слишком далеко. Забраться на дерево, которое будет видно Косому? Это было бы правильнее: община придет на помощь. Правда, не сразу. Сначала им надо будет оповестить всех о появлении мутов, выставить боевые посты на стенах Цитадели, и уж тогда, со всей осторожностью... Столько времени Максим мог и не продержаться.

«Была не была! – пронеслась в голове шальная мысль. – Мне почти восемнадцать, а ведь ни одного мута еще не убил! Пока получалось неплохо. Если бы подойти незамеченным, пока они жрут... Но ведь услышат!»

И тут чавканье и хруст, доносившиеся из-за кустов, сменились рычанием и визгом. Муты сцепились из-за какого-то особенно сладкого кусочка? Дядя Толя, когда в Старой крепости рассказывал страшные истории мелким, говорил, что больше всего они любят мозг. Другие взрослые смеялись: «Слушайте больше Толика, он вам расскажет! Муты жрут все!» Низко присев, готовый рвануться со всех ног назад к клену, Максим все быстрее двигался к недорытой могиле. Кусты покачивались, рычание становилось громче. Осторожно отклонив ветку кистенем, Максим увидел катающийся по траве мохнатый, грязный клубок.

Бородач вцепился зубами в разбитую руку «блондина»! Своими, здоровыми, он ожесточенно драл сородичу пузо, и имей он дело с человеком – давно бы выпустил ему кишки. Но у мутов кожи прочные. Его более крепкий товарищ лупил бородатого кулаком по ребрам и хребту. В исходе боя у Максима сомнений не было: «блондин» одолеет, хоть и не без

потерь. Поэтому, не раздумывая, он подскочил к нему сзади и с размаха ударил кистенем в незащищенный затылок. Брызнула кровь, мут дернулся всем телом, и Максим тут же повторил удар, вкладывая в него всю силу. Тварь снова вздрогнула и затихла.

– А теперь ты! – Максим выставил вперед рог и сделал шаг в направлении отскочившего бородатого. – Ну! Иди!

Присев так, что руки достали до земли, мут смотрел на него жадными, но испуганными глазами. Из перекошенного рта капала слюна вперемешку с кровью. Он прыгнул было вперед, взмахнув когтистыми конечностями, но тут же остановился. Левая рука, по лопатке которой пришлось несколько ударов товарища, двигалась как-то странно.

– Тем лучше! – Максим сократил расстояние и замахнулся кистенем. – Вот я, иди!

И вечный голод муту оказался сильнее осторожности, в глазах твари блеснула ярость. Он сунулся вперед, и Максим выставил вперед левую ногу, как учили. Миг спустя рог вонзился муту прямо в горло. Теперь удержать его голову и ударить в висок, там кость потоньше! Камень, описав выверенную, отточенную на тренировках кривую, шел к цели, Максим еще подался вперед, не давая хрипящему муту дернуть головой, и в этот момент когтистая лапа стиснула его плечо.

Боль была такой резкой, что Максим едва не испортил удар. Но сморгнув мгновенно выступившие слезы, увидел, как оседает на траву тело. Не думая о руке, он ногой перевернул его, оглушенного, и раз пять ударил изо всех сил: в затылок и в шею. Потом, не теряя времени, вернулся к «блондину» и бил его, пока хватало сил. Но и тогда не остановился до тех пор, пока не загнал в голову каждому лезвие рога целиком и не провернул его там, превращая мозг в кашу.

Совершенно опустошенный, он сделал два шага в сторону – туда, где трава оставалась зеленой, и упал. Сердце колотилось в груди, но Максим чувствовал радость победы. Он смог! Впервые сошелся с мутами один на один, и одолел сразу двоих без чьей-либо помощи! Хотя ему, конечно же, безумно повезло. И все же – это была победа! Ему хотелось немедленно бежать в Цитадель и рассказать об этом всем. А заодно выставить слепым идиотом Косого, который только славится как дозорный, а сегодня прозевал муту совсем рядом с Цитаделью.

Глава вторая Решать самому

Дядя Толя говорил, что, когда их группа прорвалась к Старой крепости из далекой Москвы, в лесах еще оставалась дичь. Патронов они на нее не тратили, но тогда у них были арбалеты и два спортивных лука. По его словам, раньше, до того, как случилась Катастрофа и люди стали превращаться в мутов, лесных зверей защищали и не разрешали на них охотиться. Но потом стало все равно: все понимали, что муты придут и сожрут всех, до кого смогут дотянуться. Теперь в лесах разве что белку иногда можно встретить. Ну, и мелочь, что живет в норках: мышек, и тому подобное. Это не считая лягух и насекомых. Даже птичьи гнезда разоряли до тех пор, пока крупных птиц совсем не осталось. У мутов чутье на съестное. А когда жрать нечего, они могут кору с молодых деревьев есть. На другом берегу Осотни рядом с водой и деревьев-то почти не осталось, потому что там проходит тропа миграции тварей. Весной идут на север, будто ищут что-то. А осенью, как сейчас, – возвращаются. Иногда вдоль Осотни, иногда как-то еще. Зимой им нечего жрать, потому что даже травы нет, и тины, и даже землю мерзлую не очень-то полопаешь. Соседи березовские как-то раз рассказывали, что нашли весной замерзшего мута. Якобы он от голода обессилел и замерз. Они решили его зажарить – он ведь промерз и не испортился. Загнали в него крепкий прокаленный кол, да и пристроили над костром. А он оттаял и ожил. Максим даже не знал, верить в такие байки или нет. Спорить не приходилось: муты живучи, как никто, но ведь не лягухи же они!

– Арбалеты! – щурясь на солнце, понемногу начинавшее клониться к западу, Максим перекатился на бок. – Вот бы арбалеты. Тогда набили бы белок и пичуг мелких!

Ему казалось, что арбалет – необычайно точное оружие. Но при бегстве из Старой крепости арбалеты захватить не успели, да и лук в Цитадель попал только один. Максим стрелял из него лучше всех и гордился этим. Ему доверяли это сложное устройство, потому что знали: он будет осторожен и ничего не сломает. Кое-как делали луки и сами, да ничего толкового пока не получалось. Да и как получится без всех этих штук? Кажется, дядя Толя называл их блоками, но и сам не слишком в них разбирался. Он-то и старался делать луки обычные, приговаривая: «Скоро не останется ничего, кроме того, что вы сможете сделать сами». Так-то оно так, но много ли они могут сделать? Пока даже шкуры мутов обрабатывать не очень выходит. У березовцев вроде бы лучше получалось, но они ведь не расскажут, в чем секрет. Еще дядя Толя попробовал из жил мутов делать тетивы, так с тех пор и поступали, ничего нового не придумали. А потом, после бегства и устройства Цитадели, совсем забыли эти выдумки. Хотя Максим мог вспомнить еще, например, как его отец и дядя Толя швырялись камнями из пращи. Ее сделать несложно, вот только точность плохая, в белку не попадешь, да и мута издалека камнем не остановишь. Тут только кистень поможет, и то если тварь сперва остановить факелами или рогатинами. От всех этих мыслей, а еще от осознания того, что дело с похоронами мелких надо все же закончить, настроение у Максима испортилось. Радость победы омрачилась мыслями, которые тревожили его уже очень давно.

– Почему так вышло, что и отец, и мама, и дядя Толя с Новосибом успели пожить в том, хорошем мире? – проворчал он, снова принимаясь рыхлить землю рогом. – Лучше бы не рассказывали! Выходит, что у них там и автомобили были, и самолеты даже, и огнестрел, и одежда теплая – да все, что хочешь! А у нас нет ничего. Живите, детки, не забывайте размножаться. И тогда, может быть, протянете подольше. А может быть, уже завтра любой из вас в мута превратится, ну, кроме мелких и беременных. Так что, скорее всего, вы все равно быстро сдохнете. Но боритесь, выживайте! А зачем?

Он остановился передохнуть и покосился на лежавшие рядом тела. Муты успели разорвать на части оба трупика, внутренности и раздробленные зубами косточки валялись как попало. Трава была покрыта кровью. Если муты будут мигрировать не по дальнему, а по ближнему берегу реки – такое случалось иногда, – то могут и учуять. Все, конечно же, зависело от ветра. Цитадель отсюда не очень далеко, так что разрывшие могилку и возбудившиеся муты вполне могут на нее набрести. Стены пока крепки, но любая осада не сулит ничего хорошего, а кто-то наверняка погибнет.

– Да и наплевать! – вскипел Максим. – У нас Голова управляет, пусть он обо всем думает! Как его раньше-то звали... Я и забыл, тихий он был и незаметный. И теперь такой же. Простил Андрею нарушение табу, а теперь я тут один оказался. Так что же, я виноват буду, если что-то случится? Нет уж, я и так постарался, двоих один прикончил!

Он не стал копать глубже – все равно кровь с травы не смыть, и для мутов она еще долго будет «благоухать» на всю окрестность. Оттащив убитых тварей в сторону, Максим кое-как собрал останки мелких, сложил в яму, наскоро закидал землей и утрамбовал. Все, он сделал то, что от него требовали. Нарвав листьев, юноша, как мог, оттер руки и лицо от крови и неприятного запаха. Закончив и с этим, он уставился на два голых тела.

– И что дальше? – Максим не сдержал тяжелого вздоха. – В Старой крепости засолили бы на близкую зиму и взрослым скормили. А теперь у нас и соли-то нет почти! Значит, взрослые съедят сразу. Ну, Андрей с Косым и остальными потребуют свою долю, конечно, а мы еще не вполне взрослые. Не знаю, что будет делать Голова... Наверное, прогнетса и даст им. Может, и мне кусок перепадет, все же я добытчик. А вот Вальке – ничего! Потому что он хромой и не умеет за себя постоять. Вот какая у нас теперь община! А почему так? Потому что Голова плохо управляет, а среди старших нет никого, кто ему бы помог. Вообще, все какие-то... покорные стали! Вот отец таким не был, и дядя Толя тоже! А теперь по вечерам никто и сказок-то мелким не рассказывает, все устали и хотят только жрать и спать. Ну и бабы, понятное дело, хотят забеременеть, чтобы не обратиться. Будто других проблем у общины нет! Так и погибнем все, не этой зимой, так следующей! И зима близко... – Он двумя руками поскреб давно не мытую голову. – Мелкие будут помирать наверняка. Зимой не похоронишь. Будем, как раньше, в снег закапывать. Но там трупы гнить не будут, и, значит, голодный Андрей будет знать, что мясо рядом лежит. Да о чем Голова думает вообще? Выходит, и сейчас меня на рисковое дело одного послал без всякой пользы. Это ж только вопрос времени, когда Андрей и его приятели взрослым подчиняться откажутся!

Он осознал, что говорит сам с собой уже довольно долго и сконфузился, инстинктивно оглянувшись. Нет, его никто не слышал, и все равно стало стыдно. Его уже ловили на такой манере рассуждать и не раз высмеивали. Окончательно рассердившись, Максим, сам еще не зная зачем, оттащил тела мутов поглубже в кусты. Над грузным «блондином» пришлось изрядно потрудиться, он снова вспотел.

– Где ж ты так отожрался-то? Неужели на севере еды много?

Некстати вспомнилось, как дядя Толя вспоминал их разговор с отцом. Отца тоже звали Максимом, он не вернулся с вылазки к соседям, когда сыну было то ли шесть, то ли семь лет. Лицо отца Максим помнил хорошо, и голос тоже, но о чем они говорили – нет. Помнил только, что они иногда играли, когда отец был свободен. С мамой они играли куда чаще, но она обернулась, когда Максиму было около трех. В памяти остались голос и запах, и еще игры, хотя во что именно играли – он не помнил. Тогда своих обернувшихся еще не ели, и от этого почему-то было легче. Вроде бы вырос с этим, привык, что любой может обернуться, и тогда человека больше нет, а все равно приятно, что маму не съели. Просто убили мута, которым она стала, и сожгли. Так рассказывал дядя Толя. Но сейчас Максим вспомнил о другом.

– Мы с твоим отцом иногда мечтали свалить куда-нибудь, ко всем чертям! – рассказывал дядя, валяясь на траве и посасывая соломинку. – Ну так, просто мечтали. Потому что, конечно, тоскливо так жить. Что там в большом мире происходит – неизвестно. Но у твоего папы была твоя мама, потом ты родился... У меня тоже была девушка. Но она обратилась, почти сразу. Вот я и... Ну, это не важно. А думали мы иногда, что можно было бы на самый север податься.

– Ты что?! – мелкий еще Максим пихнул дядю в бок. – Там же, говорят, вообще лета нет! Вот Маша говорила!

– Есть лето, но короткое очень. – Дядя Толя задумался, будто даже всерьез. – Там... Трудно там мутам. Лето короткое, а зимой им конец: еды нет. Правда, там океан, но он, кажись, замерзает у берегов. В общем, мутов там мало должно быть. А мелкие группы и уничтожить можно. Жаль, конечно, что давно патронов нет, но если община наша размножится, то справились бы. Я так думаю, предполагаю...

– А нам что есть?

– Рыбу бы ловили. А еще твой папаша верил, что муты не могли всех оленей перебить. Там живут северные олени! Огромные стада! Ну, теперь-то, может, уже и не огромные... В общем, они быстро бегают. И подкрасться незаметно к ним вроде как нельзя, местность открытая. Ну вот, ловили бы рыбу, охотились на оленей с арбалетами и пращами. Соли там – сколько хочешь! Океан соленый. Дров только нет почти вроде бы. Но папаша твой говорил, что можно понаделать санок и зимой ходить южнее, к лесам, за дровами. Мутов нет, в чем проблема? Можно даже по замерзшим рекам, так легче.

– Боязно по рекам! – засмеялся тогда Максим. – Скажешь тоже! Подо льдом-то муты! Они спят, но слушают, и чуть что – лед ломают и хватают всех!

– Не могут они везде быть, – убежденно сказал дядя Толя. – Да, разок мы вот так зимой напоролись... Жаль, с тех пор подледный лов решили отменить. А рыба кое-какая еще есть в речках, не всю муты перевели. Но, конечно, ерунда это все, на север уходить.

– Почему?

– Потому что бессмысленно. Еще дальше от людей, там разве что северные народы живут. Если выжили, конечно, без электричества, без солярки, без патронов. Ну, кто-то выжил. Только они там одичают. И мы одичаем совсем, если уйдем туда и выживем.

– А здесь не одичаем?

– Тут? Ну, тут не так быстро. Вот, с Левыми соседями вроде подружились, свадьбы играем, книгами обмениваемся. Надо помнить о прежнем мире, Максимка. И верить, что однажды он вернется. А иначе и смысла-то нет выживать день за днем... – Дядя Толя покашлял в кулак. – Ты меня не слушай. Надо жить, и все будет хорошо. Понял?

Тогда Максим ничего не понял, а вот теперь многое понимал. Община дичала, и процесс этот, похоже, зашел очень далеко. Эта мысль его не то чтобы успокоила, но подсказала дальнейшие действия. Уложив тела мутов в кустах и на прощание пнув того, что отъелся, надо полагать, на северных оленях, Максим пригладил волосы и спокойно зашагал к Цитадели. Он решил не рассказывать о своем сражении с мутами. Какой смысл хвастаться? Вот Голове он расскажет, с глазу на глаз, и тем намекнет, что он тоже воин, ничем не хуже Андрея, хоть и не такой здоровенный. И если Андрею позволительно есть трупы своих – а как еще это назвать, если он не наказан, хотя переступил через одно из самых главных табу? – то уж собственноручно убитые муты прежде всего добыча Максима. Он имеет право на главную долю, и сам решит, с кем ему делиться. У него есть друг, Валька, и Коля Безрукий тоже часто ему помогал. Потом, по старшинству, полагается угостить Голову. Что ж, пусть подавится! Но кормить Андрея и его приятелей-трупоедов он не собирался.

Оксана сидела на стене, привалившись к башенке караульного, и откровенно дремала на солнышке. Сплюнув, Максим забрался к ней и хорошенько пнул по ноге. Она ахнула спросонок и тут же схватилась за огромный живот.

– Ты что это?! – ощерилась Оксана, разглядев, кто перед ней. – Уважение забыл, мелочь гадкая?

– Из-за тебя, дрянь, десяток мутов может всех, кто в Цитадели, сожрать! – Максима просто трясло от злости. – Я вот Голове расскажу, как ты тут караулишь! Пусть тебя на работу гонит, тварь мордатую!

– Ишь как заговорил, подлец! – тяжело опираясь на башенку, беременная поднялась. – Мне рожать с часу на час, понял? И не твоего ума дело, что Голова решает! А ну пошел вон, пока Каменного не крикнула!

Оксана, кажется, была беременна от Каменного. Мужик он был злой, глупый и не то чтобы очень здоровый, но крепкий и ловкий, драчливый. Связываться с ним Максиму совсем не хотелось, он же совсем молодой еще, а Каменному под тридцать уже.

– Он в лесу, дура, на делянках! – сказал он Оксане, погрозил кулаком и спустился со стены. – Надо таких караульных, как она, выпороть до мяса перед всей общиной, и не смотреть, что беременная!

– Максик, дай покушать, дай покушать! – во дворе на него налетела стая мелких.

Конечно, многих постарше он знал по именам, с кем-то даже играл когда-то. Но с тех пор, как подрос и стал ходить со старшими на работы и в караул, будто стена отделила мелких от Максима. Вечно голодные, приставучие, грязные и нужные только для того, чтобы в будущем община имела много рабочих рук и воинов.

– Ты! – Максиму пришлось даже напрячься, чтобы вспомнить имя паренька лет двенадцати. – Вовик! Почему ты с мелкими, ты ведь уже подрос?

– Голова сказал, что за мелкими следить надо, до весны меня никуда не возьмет, – скривился мальчишка. – Будто я стану за ними дерьмо подтирать! Пусть матери ими занимаются. А то родят, выкормят – и дела нет, лишь бы снова забеременеть! Двое померли ночью, ты слышал?

– Слышал. Где Голова?

– Лук перебирает. Затопило у нас подвалец один, лук и подмок.

Максим только закатил глаза. Конечно, мелким доверять это дело нельзя – сожрут, они все жрут. Но и главе общины не пристало заниматься пустяками! Новосиб, которого Максим не помнил, но о котором до сих пор еще ходили легенды, до такого никогда бы не опустился. Он бы скорее на стену встал, а лук перебирать отправил Оксану. А стала бы она спать вместо работы – отлупцевал бы так, что она наконец родила бы, а то только говорит постоянно, что «с часу на час».

Он и правда обнаружил Голову за перебиранием лука. Мало того, что старейшина сам перебирал подмокшие припасы, так он еще и в проходе, ведшем к оранжереям и овощным складам, выставил пару мальчишек лет десяти, чтобы не пускали мелких. Это было уже просто смешно: именно эти двое парнишек и должны были заниматься делом! А покарать мог бы один Вовик.

– Лук очень важен для организма человека! – не спеша рассуждал Голова, подслеповато щурясь на овощи. – Нам взрослые всегда говорили: без лука и чеснока пропадете! Там витамины и еще эти... ну, заразу убивают.

– А чего тогда болеем все равно? – спросил один из мальчиков, втихаря откатывая луковицу ногой в сторонку.

– Потому что нет лекарств, – важно пояснил Голова. – А вот раньше, матушка мне говорила, лекарств было много. От всех болезней были лекарства! Люди не болели и жили до ста лет!

Максим остановился в нерешительности. От ворот донеслись голоса: общинники возвращались с делянок. Он покосился на солнце. Скоро уже и закат – вот так и день прошел. Но юноша чувствовал, что этот день, в отличие от многих других, прошел не зря. Что-то навсегда в нем изменилось.

– Голова! – позвал он. – Разговор есть.

– Разговор? – Голова повернул голову и, подслеповато щурясь, оглядел Максима сверху донизу. – Ну, если есть – поговорим. Все хорошо, я надеюсь?

– Да как сказать... – Максим постарался произнести эти слова так, чтобы Голова не только заинтересовался, но и почувствовал его спокойствие, силу, обретенные в бою. – Надо поговорить.

Старейшина отложил луковицу и с тоской посмотрел на недоделанную работу. По всему было видно, что он с удовольствием занимался бы переборкой лука всю жизнь и больше ни за что не отвечал. Веселые голоса приближались, во дворике появились Андрей и Косой, что-то шептавший ему на ухо. Для этого Косому, парню среднего роста, приходилось вставать на цыпочки, потому что атаман и не думал склонить голову. За ними шли еще несколько ребят и девушек, все скалили зубы.

– Голова! – отпихнув Косого, Андрей встал посреди дворика, широко расставив длинные, сильные ноги. – Там какие-то жучки, в общем. Три делянки из четырех, считай, целиком пожрали!

Парни за его спиной, улыбаясь, опустили глаза. Одна из девушек, едва сдерживая смех, прыснула в рукав, но ее тут же толкнули в спину. От такой наглости Максим даже глаза вытаращил. Какие еще жучки? Да, насекомые постоянно досаждали общине, но потому и ходили на работы каждый день, воевать с ними, полынным отваром опрыскивать.

«Неужели вы все сами сожрали? – лихорадочно соображал он. – Да нет, не успели бы! Тогда... Выходит, припрятали где-то для себя?»

– Скверно-то как... – Голова поднялся и растерянно разглядывал свои ноги. – Ну, будем надеяться, южные делянки в порядке.

– Посмотрим завтра! – Андрей вальяжно оперся на плечо Косого. – Думаю, жучки могли и туда пробраться. Или даже соседи могли разведать, где мы рожь растим. Тогда беда, тогда там вообще ничего не осталось.

– Ага! – поддакнул Косой, которому явно льстило приближенное к вожаку положение. – Озерные, сволочи, всегда норовили подглядывать!

– Косой, – подал голос Максим, – кто же в секрете остался?

– А что там делать? – Парень посмотрел на Максима исподлобья, в тоне скользнула угроза. – Уже все почти вернулись.

– Почти – это еще не все! – Сегодня Максиму не было страшно, хотя Косой был покрепче его. – Ты же на реку смотрел, оттуда муты запросто могут появиться. Там их тропа.

– Да ты сам-то где был? – Андрей посмотрел на Максима почти ласково. – Хромой один песок таскает, стена так и не укреплена толком. Какой с Хромого работник? Только та уродка рядом крутится. Думает, наверное, что от Хромого залетит наконец-то! Двое недоделков!

– Где надо, там и был! – насупился Максим.

И тут его будто ударили в спину. Нельзя сказать, что Максим сильно удивился словам Головы, просто не ожидал такого, вот обида и обожгла сердце.

– В самом деле, ты где был половину дня?! – вдруг накинулся на него Голова и даже пихнул в плечо кулаком. – Вся община вкалывала, урожай собирала, а ты где прохлаждался? Я думал, ты южную стену укрепляешь!

– Где я был?..

Староста, нехитрым маневром оказавшийся между Максимом и Андреем, отчаянно подмигивал ему. Не удержавшись, юноша сплюнул ему под ноги, но ничего не сказал.

Андрей присвистнул. Тогда Голова, продолжая наступать на «провинившегося», прижал палец к губам и посмотрел уже с откровенной мольбой.

– Ты думаешь, тебе отлынивать можно, когда все работают?! – визгливо крикнул он. – Хватит! Распустились! Будешь наказан, ясно? А пока закончи тут с луком, я проверю! И не смей плевать!

– Хорошо, – кивнул Максим, хотя горло сжалось. Плакать хотелось не столько от обиды, сколько от унижения. И это – их старейшина! А ведь когда-то они были дружны с дядей Толей. – Хорошо, я закончу тут с луком.

– Ну, то-то же! – Голова повернулся к остальным. – А вы что стоите? Пошли, надо зерно в лари до ужина засыпать!

Они ушли, и Максим остался почти один. Почти, потому что мелкие, прежде чем покинуть уголок двора, набили себе полные подолаы лука. Он сделал вид, что не заметил. Пусть хоть весь заберут! Чем такой Голова, лучше никакого. Пусть Андрей поскорее власть возьмет, он хотя бы будет держать общину в руках. Максим сперва подумал об этом и только потом осознал, что верит: Андрей – будущий Голова. Хотя старше его человек шестнадцать.

– Дожили, – горько вздохнул он. – И что же тогда получится? Управлять будет не самый старший, а самый сильный? Новосиб, отец и дядя Толя не хотели бы, чтобы так было. Они думали, мы людьми останемся. А мы скоро будем, как муты. Может, и жрать друг друга заживо начнем. И тогда конец общине, все подохнем. А ну, кыш отсюда!

Со двора к луку сунулись было еще двое мелких, и Максим от души наградил одного из них пинком. Ударил, услышал, как зашипел от боли малыш, и вспомнил, как относились к мелким раньше, в его детстве. Тогда их еще называли детьми. Их было не так много, их берегли, с ними играли и старались учить. Но гибель Старой крепости пережили только двое взрослых, которые помнили прежний мир, и обе были женщинами. Их никто не слушал, и в Цитадели все изменилось. Некогда было играть: надо было устраиваться на новом месте, с новыми соседями, изучать, как тут мигрируют муты. Хорошо, хоть Новосиб заранее это место присмотрел. Здесь в прежние времена был поселок, и экспедиции, которые водил обычно дядя Толя, заранее вынули и припрятали оставшиеся стекла, которые так пригодились потом для новых оранжерей, разбирали дома, а кирпич тоже прятали, чтобы соседи не утащили. Только благодаря этой предусмотрительности остаткам общины удалось перебраться сюда и укрепиться. А взрослые... Они прикрывали отступление, поэтому выжили мелкие. Голова бы так не сделал, а Андрей и подавно.

«А я?.. – подумалось Максиму. – Я отдал бы жизнь за эту мелкоту? Нет, не стал бы. Новых нарожают! Все девки хотят быть беременными, чтобы не обращаться. Чего ж тогда их жалеть? Все равно вырастет столько, сколько община сможет прокормить».

Он уже собирался пойти поискать Вальку, но при выходе из «овощного» закутка наткнулся на спешившего к нему Голову. Тот, заискивая, схватил его за плечи и заставил вернуться к луку, где их никто не видел.

– Ты прости мне, ладно? Ты же умный парень, Максим! Ты должен понять: я не могу выглядеть слабым! Этот Андрей... Он только и ждет, чтобы улучшить момент и пойти на конфликт. А я не могу, я должен думать обо всей общине, понимаешь?

– Вот оно что? – Максим отступил еще на шаг, чтобы Голова его отпустил. – Ну да, я так и подумал. Только довольно неожиданно вышло. Я, между прочим, твою просьбу выполнял. Но могу и рассказать всем, что я в кустарнике делал.

– Ну что ты говоришь такое? – Голова всплеснул руками. – Я же тебе доверяю, Максим! Когда-нибудь, когда меня не станет и годы пройдут, ты станешь старейшиной общины. Я уверен, с тобой все будет хорошо! Но до тех пор тебе надо многому научиться. Я могу тебе рассказать. Давай почаще работать вдвоем, и ты научишься многому полезному.

– Андрей старше меня на год. Но мне почему-то кажется, что он долго ждать не собирается.

– У нас есть свои правила! – Старейшина набычился и выкатил подслеповатые глаза. – Ты их знаешь. Самый взрослый управляет общиной, так должно быть всегда! И так будет, потому что община не потерпит преступлений.

– Андрей уже нарушил табу, – напомнил Максим. – Очень важное табу. Ты ничего не сделал. Ну, и какое он нарушит следующим? Ты говорил, что если к следующей зиме у нас не будет соли, то Андрей сорвется. Я тут подумал... Он не станет ждать следующей зимы. Эта будет трудной. А еще они крадут зерно у общины. Или ты поверил в жучков? Или соседей, хотя я вот не понимаю: как можно перепутать жучков с соседями?

– Не заводись! – попросил Голова, но продолжал буравить Максима выпученными глазами. – Я все вижу. Кое с кем советуюсь, понял? Взрослый – значит, более опытный и умелый, а я старейшина. Так что закрой пока рот.

– Сегодня все поймут, что ты боишься Андрея.

И Голова ударил его. Неловко и несильно, довольно трусливо ударил, но все же кулаком. Максим развел руки в стороны и стоял, улыбаясь тому, что сам не мог понять: он готов ударить Голову или еще нет? Вот Андрей был бы готов, огреб бы старейшина все, что причитается. Но ведь это тоже табу – не слушаться старшего уже нарушение, а уж напасть... Максим хохотнул.

– Ничего смешного, понял? – Голова, не получив отпора, вроде бы приободрился. – А не понял, так я попрошу с тобой посерьезнее поговорить! Мне есть к кому обратиться.

«Меня, значит, не боишься? – с обидой подумал Максим. – Мне доверяешь, я у тебя умный и послушный! А уважаешь только того, кого боишься. Ну и гад же ты, Голова! Не старейшина ты мне больше! Может, ты старый стал? Сколько тебе, лет тридцать пять, наверное? За тридцать только Безрукому и Маше! Как же ты, такой трус, не обратился? А хорошие люди все кто погиб, кто мутом стал...»

– Надеюсь, к Андрею ты не обратишься? – вслух насмешливо спросил он. – Хотя... Как хочешь. Делай теперь что хочешь. А я у тебя ничему учиться не стану, так и знай. Нечему у тебя учиться. А я ведь только сказал, что сегодня все поймут, что ты Андрея боишься. Не потому, что я расскажу, как мелких втайне закапывал, а потому, что они с Косым и остальными зерно прячут от общины, и ты им ничего не сделаешь. Даже мелкие будут знать, что Андрей главнее тебя. И еще: больше не смей меня трогать. Зашибу, и плевать мне на все табу.

– Да что я могу сделать-то?! – зашипел Голова, не рискуя кричать. – Ну что?! Ты же не понимаешь ничего, дурак... Он же готов на старшего руку поднять! А такого не должно случиться, это табу! Иначе конец нам!

Максим прошел мимо него, чуть задев плечом, и удалился, не оглядываясь. Еще одно открытие сегодняшнего дня: да Голова просто глуп! И возраст глупости, оказывается, не помеха. Так и будет тянуть, пока Андрей все же не сделает того, чего так боится старейшина. И чем дольше тянет Голова, тем больше сил и сторонников будет у Андрея.

Общинники устраивались в трапезной. За водой сегодня не ходили, поэтому водяная норма была совсем маленькой. В помещении сильно пахло потом, и Максим, которому и так не слишком-то хотелось есть, вышел прочь, схватив только полагающийся ему сухарик из зерна прошлого урожая и яблоко. Маша, стоявшая у котла с черпаком, проводила его удивленными глазами. В общине не принято было отказываться от еды.

«А я хочу мяса! – кричал про себя Максим, разгрызая сухарь. – И я его заслужил! Я добыл его! Прежние взрослые, из старого мира, мутами брезговали, я помню. Но я не такой! Мне ничего не остается, как быть дикарем. А сейчас, когда все катится к концу общины, зачем себе хоть в чем-то отказывать? Ради чего?»

Теперь он решил окончательно: два мута, лежавшие в кустах, это только его добыча. Голова не хочет, чтобы Андрей узнал о тайных похоронах? Отлично! Пусть будет, как он хочет, только и о мутах никто не узнает. Кроме, конечно, Вальки. Ему и в лучшие времена мясо редко доставалось из-за таких, как Андрей. Ну так пусть поест вволю! Если Максим прав, и всех их ждали тяжелые времена, то Валя вряд ли переживет зиму. Его Андрей особенно не любил.

– Валентин! – Как-то само собой вышло, что Максим назвал его полным именем. – А чего ужинать не идешь?

– А я уже! – улыбнулся Валька своей доброй, но всегда немного испуганной улыбкой. – Я Маше помогал очаг под котлом топить. И Алка тоже помогала.

Алла, сидевшая рядом, что-то неразборчиво промычала. Она была чем-то расстроена.

– Хочешь, дружище, нормально поесть? – шепнул ему на ухо Максим. – Гони отсюда рыжую, расскажу кое о чем.

– Она плакала! – так же шепотом ответил Валька. – Ей Маша сказала, что если в пятнадцать лет забеременеть не может, то уже никогда не получится, как у нее. Не обижай ее сейчас. Алка, она хорошая. Если чего притащил, я с ней своей долей поделюсь. А тебе все равно спасибо огромное!

– Нет, я ничего не принес. – Покосившись на рыжую девчонку, Максим присел на песок рядом с приятелем. – Идти придется. Завтра. И без разрешения.

– Нам какую-нибудь работу Голова поручит, – растерялся Валька.

– Да и пусть поручает. Андрей его уже не слушает, а мы чем хуже? Алка, отойди шагов на десять! Я тебя не гоню, но разговор у меня к другу есть. – Максим обнял Вальку за тонкую шею. – Есть мясо. Много мяса. Надо только придумать, как его спокойно съесть. Это твоя работа.

Валентин смотрел испуганно, но при слове «мясо» его ноздри чуть раздулись.

Глава третья

Пикник на троих

– Все-таки я не могу в это поверить! – Валька в сотый раз оглянулся на Цитадель, плоская крыша которой, впрочем, уже скрылась за кронами деревьев. – Просто не могу поверить!

– В то, что я в одиночку одолел двух волосатых тварей? – как можно более бесечно поинтересовался Максим и рассмеялся. – Не переживай, брат! Впереди нас ждет такое, что Головы бояться просто глупо!

– Ну... – Валька пристроил на голову большую кастрюлю, которую смог выкрасть со склада. Так нести было удобнее. – Не только Голова будет недоволен.

– А кого ты боишься? Андрея? – Максим снова засмеялся, когда трусоватый приятель отвел глаза. – Бесплезно, пойми! Он все равно от тебя не отцепится. Так что грехом больше, грехом меньше... И я думаю, Голова побоится рассказать общине, что мы нарушили его приказ. Вот увидишь! Он же боится выглядеть слабым. Будто никто еще не понял, что он теряет власть каждый день! Все просто привыкли, вот как ты.

– На том наша жизнь и строилась. На привычках, правилах. Алка, не отставай! Здесь могут быть муты!

– Врешь! – насмешливо откликнулась девушка, но рысью сократила расстояние. – Откуда муты? В секрете Коля сегодня, он не проспит. Только я не поняла... Можно, я спрошу? Вы что, Голову не послушались? Тогда я с вами не пойду!

– Голова приказал тебе быть с нами! – отрезал Максим. – Остальное тебя не касается.

Максим, впервые в жизни решившийся на самостоятельный поступок, идущий наперекор мнению старших, после всего пережитого уснул сразу же, как оказался на своей лежанке. А вот Валька, которому он приказал обдумать детали их завтрашнего преступления, полночи ворочался. Ему было страшно, очень страшно. Но Максим, говоря о старейшине, его ближайших заместителях и положении в общине, во многом повторил его собственные мысли. А еще Валька очень хотел хоть раз наесться мяса до отвала. Он даже знал несколько чудесных способов его приготовить, и набитая сеном подушка к утру была вся мокрая от слюны, выпущенной в предвкушении праздника.

Утром Голова, как обычно, распределял общинников на работы и в караулы. Максим, по совету Вальки, слегка расковырял подошву острием рога и сообщил Голове, что ночью, встав по нужде, наступил на что-то. Тут главное было даже не в истории, а в гримасничанье и прихрамывании. Поверил ему Голова или нет, Максим не понял, но старейшина не упустил случая отругать его за глупость, а потом, назвав «еще одним бесполезным хромым», назначил ту же работу, что и вчера: таскать песок, укреплять стену. Отправилась с ними и рыжая Алка. Голова ее просто жалел и старался не отправлять на работы вне Цитадели: женщины последнее время невзлюбили «порченую», никак не могущую забеременеть девку, а молодые мужчины, прежде всего Андрей и его команда, разок устроили ей, с целью помочь ее горю, само собой, что-то такое, о чем она отказывалась рассказывать и только плакала.

Когда общинники разошлись по разбросанным в лесу делянкам собирать оставшийся урожай ржи, Валька сбегал на склад и украл кастрюлю, а еще старый сточенный нож, каких-то травок и даже драгоценную соль. А потом они просто ушли. На стене опять дежурила Оксана, которая лишь покосилась на группу с откровенным презрением и не сказала ни слова. Максим вел их по тому же маршруту, которым шел вчера, чтобы не попасться на глаза Коле Безрукому, который сегодня в секрете замешал Косого.

– Косой вчера, кажется, пост покинул, – припомнил Максим. – Видимо, знал, что Андрей будет зерно прятать, и просто ушел.

– Ты уж совсем их за дураков держишь! – не поверил Валька. – Нельзя из секрета уходить, всех же могут сожрать, если тревогу никто не поднимет. Нет, не верю.

– Напрасно. – Максим наморщил лоб, пытаюсь уложить в голове картину, которая открывалась ему при новом взгляде на общину. – Мы привыкли, Валька, жить день за днем, как и все. Потому и не замечали, как далеко все зашло. Косой умом не блещет, да и Андрей, прямо скажем, тоже. И все они успели обнаглеть. Им ведь все даже слово сказать боятся! Может быть, они уже давно уходят из секретов и в патрули не ходят, а вместо того делают, что хотят. Кто об этом знает? Никто не проверяет.

– А как проверять? На том община и держится, что проверять никого не нужно. Все знают, что выжить можно только вместе.

– Почему же тогда Андрей плюет на все табу и правила? Тебя вот сколько раз били ни за что? А раньше такого не было. Но ведь никто из старших за тебя не вступался. А Голова делает вид, что не замечает. То же и с Алкой. Все знают, что Андрюха с компанией над ней издевались, и никто не стал даже разбираться. А вспомни наше детство, когда еще живы были те, кто взрослыми старей мир застал! Такого быть не могло!

– Заткнись! – взвизгнула Алла и встала как вкопанная, сжав кулачки. – Заткнись, заткнись, заткнись!

Ни Максим, ни Валька не обратили внимания на ее поведение. С ней и раньше такое случалось, все давно привыкли. Да и куда она денется? Постоит, остынет и опять побежит следом. Только Валька ее и привечал во всей общине, а из молодых не обижал только Максим. Такая уж она – непутевая и бесполезная. От таких девок, которые забеременеть не могут, только и жди, что с минуту на минуту обратятся. Даже на минуту спиной повернуться страшно.

– Все ты вроде правильно говоришь, но ведь словами-то делу не поможешь, – вздохнул Валька. – А что же делать? Другую общину искать? Ну, тебя, может, и примут березовские, у них взрослых не очень много. Кажется, какая-то болезнь к ним пришла пару лет назад, половина перемерла. Но меня с моей короткой ногой даже они не возьмут.

– Другая община... – проворчал Максим. – Там навсегда чужаком останешься. Вот ты бы как к чужаку относился? От своих сбежал, значит, и от нас сбежать может. Да и чем они лучше нас? Только крепость у них укрепленнее и стоит на скале, не подроешь. Уверен, они точно так же дичают.

Сзади послышался дробный топот, и, оглянувшись, друзья увидели раскрасневшуюся от бега догнавшую их Алку. Максим сделал ей знак помалкивать и делать, как они с Валею. Тут следовало пригнуться, чтобы Коля Безрукий со своего насеста их не заметил. Конечно, он решит, что Голова их по какому-то делу послал, но Максиму все равно не хотелось, чтобы он их видел. Коля – мужик хороший, хоть и глуповатый. Поэтому некоторую часть пути они проделали на четвереньках, скрываясь в поросли невысокого кустарника. Когда углубились в кусты повыше, Максим встал, и к нему тут же подскочила Алка.

– Во! – Она вытянула руку, на грязной ладони которой лежал черно-ржавый полумесяц с зазубренными краями и ярко-красная, явно только что во рту отмытая бусинка. – Нашла.

– Это пробка старая, – припомнил Максим. – Ну, все, что от нее осталось. Не такая пробка, которой затыкали, а которая железная, на бутылку. Брось, она сама рассыпается. А бусинку оставь себе, если хочешь. Она тоже бесполезная.

– Ничего и не бесполезная! В ней дырочка есть! Бесполезные я сама знаю.

– Ну вот, на этом дереве я от них и спасался! – Максим повернулся к Вальке и указал на клен. – Замерзать буду, а его не срублю. Видишь, как кору когтями изодрали?

Валька, испуганно оглядевшись, внимательно изучил глубокие царапины. Он понял, что у него, неловкого и слабосильного, на месте Максима шансов не было бы никаких. Максим, отодвинув с дороги оторопевшую от неожиданности Алку, которая понятия не

имела, куда они идут, вразвалочку направился к тому месту, где забросал землей мелких. Тут, несмотря на прохладную ночь, уже пахивало – и от тел, недостаточно глубоко закопанных, и от частей их внутренностей, разбросанных по полянке дравшимися за мясо мутами.

– Может, все-таки прожарить? – важно спросил Максим у Вали, повернувшись спиной к тому месту, где в тени кустов лежали мертвые твари. – Хотя я-то на желудок не жалуюсь.

– Я тоже. – Валя покосился на кастрюлю и кивнул каким-то своим мыслям. – Нет. Если жарить, нужно больше огня, будет больше дыма. Ну и запах резче. Я уверен, лучше отварить. Просто пусть покипит подольше. Но ведь мы не торопимся? Мы уже нарушили все, что могли, так что...

– Хватит ныть! – потребовал Максим. – Ты скажи, как конкретно поступим. Все обдумал?

– Ну да... – Валька покрутил кастрюлю в руках и вручил ее переводившей взгляд с одного парня на другого Алке. – Овражек пересохший, ты его знаешь. Лучше места нет. Над ним кусты, так что дым слегка развевает, ну и Аллу попросим махать ветками. По овражку граница идет, так что Безрукий подумает, что это соседи что-то жгут. А березовские решат, что наши. С их стороны до берега все голо, никаких делянок у них там нет, а раз так, значит, все сейчас далеко, как и наши. Кому надо проверять, что случилось? Если тревога, так сигнал иначе подадут. В общем, нас не должны беспокоить, даже если заметят.

– Овражек к реке близко! – заявила враз побледневшая Алка.

– Овражек – русло ручья, он весной течет, когда снег сходит, – терпеливо пояснил ей Валька. – Мы повыше поднимемся, туда, где все заросло. Это далеко от реки. Ну, вот такой план. Ты лучше скажи: что же все-таки мы скажем Голове, когда вернемся?

– Опять ты боишься! – Максим повернулся и раздвинул ветки, открывая путь к мертвым мутам. – Если Голова рот раскроет, я ему сразу скажу: объясню Андрею, где тела мелких и кто мне приказал от него их спрятать. Он испугается.

– А не подумает Голова, что мы мелких ели?

– Да плевать мне, что он подумает! И ты будь понаглее с ним. Вообще же... – Максим, присев на корточки рядом с трупами, лица которых облепили муравьи, с усмешкой следил за реакцией Алки. Она то порывалась бежать, то останавливалась, в страхе оказавшись одной вдали от Цитадели. – Вообще, Валя, нам поговорить надо о будущем. Ведь что-то и правда надо решать.

– Давай все по порядку. – Валька сглотнул слюну. При мысли о том, что сегодня он сможет съесть мяса сколько влезет, у него кружилась голова. – Давай сначала все сделаем, как решили, а потом поговорим.

Украденный нож резал не очень хорошо – Голова злился, когда ножи точили, это сокращало срок и без того короткой их жизни. Тела следовало расчленить, после чего большую часть выбросить. Сделать это решено было прямо в тихую речку Осотню, все равно к воде придется идти, чтобы наполнить кастрюлю. Для себя срезали самые мягкие части, с бедер, ягодиц и спины. Рыжая, что-то шепотом причитая про себя, бегала вокруг кругами, но на нее никто не обращал внимания. Осеннее солнце, будто прощаясь, стало припекать, и жадные мухи налетели целым облаком. Уставшие, грязные, бунтари успели даже поругаться, когда сломалось пополам истонченное лезвие ножа.

– Ну, и что теперь делать? – почти закричал Валька. – Я же сказал: позвоночник надо кистенями ломать! Как я обратно такой нож положу?

– А ты не клади! – ощерился Максим. – Я возьму нож, а обломок – тебе. Приделаешь рукоять, будет чем Косого полоснуть, если опять бить тебя станет!

– Ты совсем с ума сошел?.. Своих не убивают! – Валька сел, отмахнулся от кусачих мух и оглянулся на Алку. – Что уставилась?

– Мне можно кусочек... нож. – Тонкий, короткий палец Алки указал на обломок лезвия, лежавший в испачканной траве. – Тебе не надо, а я бы взяла.

– Вот! – Максим в сердцах ткнул несильно кулаком в лоб Вальки. – Даже она понимает. Ну, пошли.

Валька обтер обломок о траву и спрятал в карман рубахи. Кастрюлю, в которой лежало все необходимое для скорого пиршества, он вручил Алке. Туда же отправились и выбранные для трапезы лакомые куски.

– Неси, не отставай и не приставай, – коротко проинструктировал он ее. – Все равно будет так, как мы хотим, так что не реви и помалкивай.

Но она все равно тут же заревела, хотя и беззвучно. Расчлененных, увязанных мутов нести было легче, и все равно несколько раз пришлось останавливаться, чтобы передохнуть. Где шагом, а где и ползком, все трое вскоре вышли на границу, которая по молчаливому согласию разделяла земли двух общин. Тут и бежал к реке ручей, русло которого летом полностью пересыхало. Узкий, глубокий овражек по бережкам зарос невысоким кустарником и лопухами.

– Не ходите к речке, а? – чуть слышно попросила Алка, когда Валька жестом приказал ей вывалить содержимое из кастрюли. – И вообще, пошли бы мы все домой. Мясо принесем, обрадуются все. Простят!

– Ты можешь здесь остаться! – усмехнулся Максим. – Ну, или иди сзади шагах в двадцати. Мы только тела сбросим в воду, да и все. Ни к чему им на нашей земле гнить и мутов запахом привлекать.

– У воды муты! Схватят!

– Не разговаривай с ней, тогда она быстрее успокоится. Алла, она не глупая, просто нервная. Слышь, Алка? Как будем идти, ветки и коряги собирай, дрова нужны.

– Мясо будешь есть! – пообещал Максим.

– Она не будет, – покачал головой Валька и крикнул, снова поднимая узлы. – Она у нас веганка. Никогда мутов не ест, только лягух и насекомых.

«А я и не знал! – подумал Максим, пристраивая кистень на плечо, чтобы в случае опасности не тащить из петли на штанах. – Надо же, не ест мутов... Только взрослые, которые старый мир помнили, мутами брезговали, да и то только бабы в основном. Дядя Толя говорил, что поначалу не мог их есть, а потом привык».

Поход к реке, редкий для общинников, бравших воду только из двух колодцев, прошел без приключений. Останки мутов отправились в воду, некоторые части сразу всплыли и не спеша отправились в путь по течению узкой Осотни. Друзья с наслаждением умылись, хоть вода и была уже почти ледяной. Наконец-то от них отстали надоевшие мухи. Валька принял от бледной Алки, которая реки боялась панически, кастрюлю и набрал воды. Вдвоем с Максимом они быстро донесли ее к выбранному местечку, а девушка по пути набрала целую охапку дров.

– Продолжай собирать! – напутствовал ее Валька и бросил «вырезку» в кастрюлю. – Помнишь, в Старой крепости сколько такой посуды было? И ковши, и тарелки из металла, и еще такие были, красивые...

– Эмалированные! – напомнил Максим. – Там и ножей немало бросили, и топоров, и пилы. Косы! Все косы там остались, когда уходили, потому что сарай пришлось зажечь – иначе не получалось дорогу пробить, кругом муты бегали. И кто-то стрелял, я помню. Значит, оставались еще патроны, на крайний случай. Может быть, даже не все успели истратить.

– Соседям все досталось, когда муты ушли, – подвел итог воспоминаниям Валька и зачиркал острием рога о камень. – Вот прохудится вся посуда, что делать будем? Котел, правда, еще долго прослужит, но и он однажды прогорит насквозь.

– Не волнуйся. Если дело так пойдет дальше, котел переживет нашу общину. И тоже достанется соседям. Только и им недолго радоваться! – Максим, поигрывая кистенем, наблюдал за Алкой, сновавшей вокруг. – Как с урожаем закончим, надо будет дровами запастись. И я точно помню: никогда их к осени не было так мало, как в этом году. Все потому, что летом плохо рубили, филонили. Я теперь все по-новой припоминаю и будто другими глазами на все смотрю. Андрей, Косой, Витька Белый – они уже давно Голову не слушались! А значит, вообще никого не слушались.

– Белый старше Андрея на два года. – Валька добыл огня и пристроил над разгорающимся костерком кастрюлю. – Белый сам по себе. Они с Андреем еще весной схватились, я тебе рассказывал, да ты, наверное, забыл. Андрей сказал что-то, и Белый ему по роже раза три врезал. Ну, Андрюха здоровый, даже не упал. Тем дело и кончилось, вроде все нормально: старший наказал младшего, ничего особенного. Только потом, дня через три, у Витьки все лицо было разбито и рубаха в крови. Говорили, он с дерева на корни свалился, когда в секрете был. Белый молчал, а у Андрея кулаки сбиты были, я точно помню. И у Косого, кажется, тоже.

– Вот оно как! – Максим протянул босые ноги к огню. – Значит, и через это табу Андрей перешагнул? А Голова еще на что-то надеется.

– Голове надеяться можно только на то, что Андрей шею себе свернет. С сосны упадет, например...

– Ха! Ты на что намекаешь? – удивился Максим. – Чтобы Голова рискнул сам табу нарушить, своего убить? Никогда не поверю!

– Тогда кто-то другой это должен сделать... – Валька так увлеченно занимался варевом, которое еще даже не закипело, что чуть ли не с головой влез в кастрюлю. – Выживание общины дело общее. Если Голова не может, кто-то должен смочь.

«Так вот о чем ты ночью думал? – Внутри у Максима что-то сжалось. – Значит, и на тебя, приятель, надо по-новому смотреть?»

– Вот! – успевшая нагромоздить возле кастрюли целую гору хвороста, Алка принесла ворох листьев. – Натритесь, запах отшибет. И в воду надо бросить, муты мяса не учуют, только дым. А дыма они боятся и сразу не побегут, сперва посмотрят. Мы тогда успеем за огонь спрятаться!

И она удивила Максима. Он-то привык относиться к Алле, как к дурочке, которая с заискивающей тоской смотрела на всех мужчин, кто еще не попытался ей ребенка заделать. Вроде бы и не было у нее других качеств – а оказывается, она неплохо соображает и в растениях кое-что смыслит. Напоминать ей, что надо развеивать дым, тоже не пришлось: сама собрала наломанные ветки в веник и, пристроившись рядом с костром, стала равномерно махать. Дымок, конечно, все равно заметят и Коля Безрукий со своей сосны, и соседи-березовцы, но лучше, чтобы он не был слишком густым. Тогда никто не заинтересуется.

– Шум какой-то оттуда! – Алка мотнула головой в сторону соседей. – Голоса будто. Поглядите.

Максим и Валька одновременно легли на животы, выползли по склону овражка наверх и руками раздвинули кусты. И правда, обладавшая тонким слухом девушка расслышала далекие крики. Пока ничего не было видно.

– Худо, если муты на них навалились... – прошептал пугливый Валька. – Тогда лучше бы нам домой податься.

– погоди. Мало ли что там случиться могло! Может, просто поссорились, или мелкие напакостничали. Сползай вниз, следи за готовкой, а то у меня уже слюна потекла. А я пока раулю.

Валька сделал, как сказано, и вернулся к костру. Он легко мог дотянуться до черных пяток лежавшего на склоне Максима, так что разговор можно было продолжить.

– Андрей не изменится! – Валька вернулся к оставленной было теме. – Дело-то не в том, что он меня обижает, Косой мне хуже Андрюхи. Дело в общине. Андрей вожаком стал, его приятели боятся и потому слушают, давно уже. И Витька Белый, он раньше, как все, был, а как Андрей на него руку поднял, стал молчаливый и злой. Летом раза два в секрет с собой Машу Бесплодную брал, я точно знаю. Она просила меня за нее поработать и Алку тоже, потом нам с кухни приносила кое-что.

– Зачем ему Маша? – удивился Максим.

– Ну, как зачем? Она для него еды воровала, и вообще они там... Развлекались.

– В секрете? – Максим повернулся к Вальке. – Ты не шутишь?

– Не шучу, – его друг опять с преувеличенным вниманием помешивал блюдо. – Потому Голова уже давно Белого в секреты не ставит. Кто-то ему наябедничал. Но тоже никак не наказал. А началось-то все с Андрея! Он первым стал табу нарушать. Если с ним ничего не случится, общине конец. Но если он... Ну, если его не станет, многие задумаются. Только Голова этого не сделает, нужно, чтобы кто-то другой.

Алла, продолжая размахивать над огнем своим веником, задрала голову и уставилась на Максима. Она, кажется, все понимала. Закусив губу, Максим отвернулся и продолжил наблюдение за соседским леском, из которого все еще доносились какие-то крики. А потом над деревьями всплыло легкое облачко дыма, такое, что его можно было бы и не заметить. Потом, чуть в стороне, – еще одно. Так бывало, когда зажигали факелы.

– Валька, будь готов! – с сожалением проговорил Максим. – Похоже, муты у них. Алла, кончай махать! Вяжи пучки из хвороста, как бы не пришлось нам огнем отмахиваться.

– Пошли домой, домой! – запричитала девушка, но руки ее проворно заработали, исполняя приказание. – Говорила, что не надо к речке!

– Да погоди ты! – Добытчик мяса не собирался так быстро распрощаться с планами наесться его до отвала. – Если их мало, то березовские с ними быстро разберутся. Похоже, что так и есть, они же не в жилище с ними бьются, а прямо тут, в леске. Просто надо быть наготове.

Между тем крики звучали все ближе. Максим уже заметил несколько раз огни факелов, мелькнувшие между деревьями. Похоже было, что охотники пытались прикончить всего одного мута. Это было больше всего похоже на...

– Обратился кто-то! – выдохнул Валька, который с кистенем наготове улегся рядом. – Точно говорю! Ну, это дело обычное, сейчас они его убьют. Как же упустили-то? Мы же друг за другом всегда следим!

– Не всегда. Меня вот вчера Голова одного хоронить мелких отправил, – проворчал Максим. – Да и в секрете человек один сидит.

– Когда в секрете сидят, с ними патрульные перекликаются, когда посты обходят. И потом, там высоко... Помнишь, как в позапрошлом году Клык обратился прямо в секрете? Как пена изо рта пошла, так он вывалился и шею себе сразу сломал! Но патрульные сразу заметили.

– А как Белый женщину в секрет брал, тоже заметили?

– Я же сказал: доложил кто-то тихонько Голове, – напомнил Валька. – Тише... Вырвался! Он от них убегает!

Максим не верил своим глазам: явно свежий, только что обратившийся мут выскочил из леска на глинистый лужок, отделявший их от березовцев. О таком он даже не слышал. Только что обратившийся совсем безумен, он впервые почувствовал нечеловеческий голод мут и кидается на всех, ни о чем не думая! Но этот, который еще недавно был длинноволосым мужчиной лет двадцати пяти, почему-то испугался загонщиков. Наверное, сперва он вел себя, как и все, но потом, окруженный охотниками с факелами, почему-то запаниковал и пошел

не навстречу добыче и неминуемой смерти, а от нее. Конечно же, сказались и неверные действия березовских: неправильно организовав облаву, они сами вытеснили мута из леса.

Пробежав несколько метров по лугу, мут резко остановился и, не вполне еще владея своим стремительно меняющимся телом, упал. Тут же вскочив, он ринулся было назад, к людям, которые теперь были для него только пищей, но снова встал. Четверо охотников, трое из которых были с факелами, тоже вышли из леса и теперь перекрикивались, ругаясь и отдавая друг другу противоречивые приказания. Тот, что был без факела, вытащил из-за спины лук, очень похожий на тот, что имелся в общине Максима и Вали. Всем известно, что стрелы бесполезны против мутотварей! Тем не менее загонщик выстрелил, но даже не смог попасть: стрела пролетела мимо и вонзилась в землю позади мута. Тварь оглянулась на стрелу, визгиливо завывала и отбежала еще на несколько шагов, снова сократив расстояние до овражка.

– Придется нам объяснять им, что мы тут делаем... – проворчал Максим. – Значит, так: у нас был обратившийся, и мы часть его едим здесь. Тут нас дежурить посадили, у реки. Почему – не наше дело, и уж тем более не березовских.

– Потом они расскажут Голове!

– Плевать, что будет потом, Валя! Я хочу сегодня день провести так, как мне угодно! Я заслужил, это моя добыча, и никто мне не помешает!

То ли мут услышал его голос, то ли заметил дым, а может быть, еще по каким-то причинам, но тварь теперь, медленно отступая от охотников, поглядывала то на них, то за спину, в сторону притаившихся друзей. Опершись на спину Вальки, выглянула из овражка и любопытная Алка.

– Не высовывайся! – прикрикнул на нее Максим, но было поздно.

Мут ее заметил. И то ли девушка показалась ему куда более легкой добычей, то ли он испугался забегавших с флангов факельщиков, но людоед огромными скачками понесся к овражку. Алка, взвизгнув, скатилась вниз, схватила пучок прутьев и пихнула его в маленький костерок так неудачно, что сбила все пламя. В панике выронив хворост, она взялась за другую вязанку, одновременно попыталась раздуть огонь поярче... Максим наблюдал за этим, быстро отползая в сторону. Его мут, кажется, пока не заметил, так пусть воин с кистенем за спиной станет для него приятным сюрпризом. О безопасности Алки он и не думал: сама не дура, должна отскочить за костер, даже через дым мут никогда не прыгнет. Но Валька неожиданно решил защитить девушку и не придумал ничего лучше, чем вскочить во весь рост и ждать во весь опор несущуюся тварь, неуклюже размахивая оружием.

– Вниз прыгай, дурак! – успел крикнуть ему Максим. – Не надо!

Ну как можно было совершить такую глупость? Конечно, Валька никогда не был бойцом, не умел ни драться, ни обращаться с оружием. Его и с тренировок-то обычно прогоняли, чтобы другим не мешал. Но и он не мог не знать, что даже с рогатиной в руках не остановить разогнавшегося мута! Разве что в землю упереть, но тогда людоед и перемахнуть через нее может. А Валька даже рог не выхватил, просто стоял и размахивал кистенем. Как же можно попасть по голове бегущего прямо на тебя мута? Разве что вскользь, но такого удара он и не заметит. Осознав, что секунду спустя мут прыгнет на Вальку и тот, скорее всего, даже руку подставить не догадается, а упадет в овраг уже с прокушенным горлом, Максим что есть силы прыгнул твари в ноги. Рог будто сам собой оказался в левой руке.

Успей Максим подумать хорошо – кто знает, может, он и не прыгнул бы. Попасть под ноги разогнавшемуся муту не самое приятное в жизни. Удар коленом пришелся в локоть правой руки, и кистень тут же выпал из вмиг ослабевших пальцев. Рог по перекладину вонзился в живот монстра, но разве это могло его остановить? Повалившись на Максима, тварь стиснула его железными руками и потянулась к шее. И вот тогда Валька, на которого Максим ни в коем случае не стал бы рассчитывать, ударил. И удар вышел на славу! Нет, он, конечно, не смог перебить муту шейные позвонки, как сделал бы Максим, сил у Вальки не хватило,

но оглушить тварь получилось. Максим выкатился из-под тела мута, утирая здоровой рукой кровь с лица: придись удар на ладонь в сторону, и оглушенным сейчас лежал бы он сам. А может быть, и мертвым, человека убить несложно.

– Бей еще! – крикнул он. – Еще, не жди!

Валька, бледный и трясущийся от страха, взмахнул своим оружием еще раз, но мут уже подался назад, и удар пришелся в землю. Оставшийся безоружным Максим попытался высмотреть свой выпавший кистень. Мут уже поднимался, когда между ними и тварью оказалась Алла с зажженным наконец-то хворостом в руках, которым она отважно ткнула людоеда в морду. Тот с воплем отшатнулся, припал к земле, отпрыгнул назад, готовясь к новой атаке, но тут на него посыпались удары. Как березовцы успели добежать до них через луг? Максиму казалось, что все произошло в один миг.

– Вот как с ними надо! – сказал Максиму парень на полголовы ниже него, но нахальный, словно самый старший. – А ты что же? Оружие потерял!

– Не твое дело! – Максим скорчил злую гримасу, и это далось ему без труда: локоть очень болел. – Он от вас сбежал! Кто так ловит? Упустили мута! А если бы он к Цитадели нашей прорвался и убил кого-нибудь?

– Значит, хреновые у вас сторожа!

– Не хреновые, а получше ваших! Мы тут все видели и вашего мута к нам не пустили!

– Интересно вы тут сторожите! – Оттолкнув его плечом, нахальный подошел к овражку и присмотрелся к костру. – Жрать собрались? А чего не дома? Крысятничаете, у своих зажимаете?

Максим глубоко вдохнул и замолчал, стгоряча не придумав, что сказать. Но нахальный, задрав к нему редкую бороденку, вдруг расхохотался.

– Да ладно тебе! Нам-то что за дело? Главное, что наше мясо от нас не убежало!

– Он же один из вас! – вдруг подала голос Алка, которая стояла, потупившись, и все еще держала факел в руке. – Разве можно его есть? Это табу, это неправильно.

– Не учи ученого, съешь дерьма печеного! – Парень несильно дернул ее за растрепанный хвост рыжих волос. – Ладно, пора и нам перекусить. Я думаю, заслужили! Но большую часть в общину, как заведено. Пошли отсюда. Приятного аппетита, беженцы!

Когда березовские, волоча труп мута, немного отделились, Алла посмотрела на Валю.

– А почему они нас беженцами называют?

– Козлы потому что, – рассеянно ответил Валька. – Макс, а ведь ты меня спас.

– Возможно, – не стал спорить Максим и разглядел, наконец, в траве свой кистень. – Но хотелось бы знать: ты почему перед ним встал? Неужели защищал Аллу?

Почему-то закашлявшись, Валька спустился в овраг следить за костром.

Глава четвертая Осень зовет на юг

– Ну, отлично! – Скорчившись у костра, Валька поежился. – Коля нас наверняка видел. Еще бы! Он и крики слышал, это точно! Теперь он сообщил в Цитадель, и скоро к нам подтянутся свои, выручать. Их с работа снимут, и что они увидят? Что мы тут жрать собрались втихаря! Как этот парень сказал? «Крысятничаем»?

– Ты не болтай, ты вари дальше! – прикрикнул на него Максим. – Вот что: я побегу в Цитадель и скажу Голове, что все в порядке. Да и Коля видел из секрета, что березовские нам помогли! Хотя на самом деле мы им. Но Коля думать не станет, сразу тревогу поднимет, это точно... Все, я побежал! Ждите меня здесь!

Валька начал было спорить, но Максим, не слушая его, выскочил из овражка и напрямик, не скрываясь, припустил к Цитадели. Локоть сильно болел, но он не обращал на него внимания, да и вообще старался не думать. От обиды из глаз были готовы политься совсем еще детские слезы: почему все получается не так, как он хотел? Ведь он взрослый, он мужчина и победил двух мутов в одиночку, он заслуживает жить так, как ему хочется! И никого не боится, даже тех, кто сильнее его. На бегу, колотя землю твердыми пятками, он проверил карман: не выпал ли нож? Оставшееся лезвие было совсем коротким, но это даже к лучшему. От мута им не отбиться, а вот тихонько достать и в драке полоснуть Андрея, Белого, да кого угодно – это запросто. Пусть только попробуют! Больше он им не младшенький, раз уж община готова развалиться и погибнуть. Максим доверял старшим, но они не оправдали этого доверия.

– Что стряслось?! – нетерпеливая Оксана, поглаживая огромный живот, закричала, едва завидев Максима. – Алка обратилась, сучка порченная?

Максим единым духом влетел на стену по приступкам и, не тратя времени на глупую бабу, спрыгнул во внутренний дворик. Тут стоял, теребя бородку, Голова. В руках у него был горящий факел, но подать сигнал дымом для возвращения всех в Цитадель он явно еще не успел. Вокруг него прыгали толпой мелкие, но, завидев мрачного, разгоряченного бегом Максима, дети сразу притихли.

– Не надо сигнала! – выдохнул он. – Все хорошо.

– Хорошо, говоришь? – Голова не спеша потушил факел в противопожарной горке песка, которую почти всю уже растащили во время своих игр мелкие. Не говоря уже о том, что постоянно в нее гадили. – Я так не думаю, общинник. Ты нарушил мой приказ. Почему вы не работаете там, где я вас поставил? Хотите, чтобы южная стена совсем развалилась? Нога твоя, как я вижу, совсем не болит. Значит, ты солгал мне, и теперь вместо тебя на сборе урожая надрывается кто-то другой! А скоро пойдут дожди, надо спешить. Ты вредишь общине!

– Сам ты вредишь общине! – Максим немного стеснялся мелких, но раз уж Голова решил говорить при них, то и он молчать не станет. – Андрея не наказал, Витьку Белого не наказал, соли почти нет, урожай у тебя воруют! Да всем плевать на тебя, а ты, старейшина, вредишь общине больше всех, понял?

– Что ты сказал? – С неожиданной прытью Голова подскочил было к Максиму, но тот встретил его таким взглядом, что старейшина сразу отступил. – Ну-ка пойдём в оружейку!

Максим еще помнил, как в Старой крепости возле оружейной комнаты постоянно стоял часовой. Так завел Новосиб: оружие должно быть только у часовых, иначе если кто-нибудь обратится в мута в трапезной или в спальнях, то есть шанс пристрелить кого-нибудь из своих, в спешке и панике. Многие были с этим не согласны, вот первый старейшина и поставил часового охранять оружие. Но тогда в оружейке хранились автоматы, ружья, пистолеты

и гранаты, от которых давно остались одни воспоминания. Теперь в соответствующем помещении находились факелы, запасные кистени и большая бутылка с маслом – на случай, если потребуется отгородиться от мутов огненной полосой. Увы, Максим сомневался, что это удастся. Самим выращивать подсолнухи у общины на новом месте почему-то не получилось, хотя поначалу выделили для них большое место в оранжерее. Это масло вроде бы несколько лет назад купили у озерных соседей. Оно выглядело очень мутным.

– Ты что, мальчик, совсем берега потерял? – опершись на ту самую бутылку, заговорил старейшина, припомнив по случаю выражение из старого мира. – А ты помнишь, какая у нас высшая мера наказания? Изгнание безоружным! В любое время года, между прочим. Скоро зима.

– Сам себя не хочешь выгнать? – нагло спросил Максим. – Голова, давай откровенно поговорим. Я вчера один напоролся на двух мутов. Один я был, потому что ты меня одного отправил, а это не по правилам. Но тебе пришлось так сделать, потому что ты боишься Андрея. Так вот, я убил двух мутов. И считаю, что это моя добыча и мое мясо. Делиться с теми, кто нарушает табу, и теми, кто их покрывает, я не хочу. Ясно?

– Двух мутов?.. – Голова с сомнением смерил Максима взглядом. – Ну, допустим. Но сегодня-то... А, так ты их припрятал от нас и сам с приятелем и его дурочкой решил сожрать, так, что ли? Не ожидал от тебя, Максим! Кроме того, я никого не... Я молчу о преступлениях Андрея до поры до времени! Будет удобный момент, и я смогу поставить его на место!

Максим только хмыкнул. Как же, поставишь ты его! За Андреем стоят его приятели, человек десять, а то и двенадцать. Витька Белый и подобные ему за Голову вступаться спешить не станут, они обиду затаили, и вот сам Максим теперь – тоже. Кто же поможет старейшине? Старшие! Только их немного, в основном женщины. Он снова хмыкнул, уже собственным мыслям: вот как легко он стал уже думать о противостоянии внутри общины, а еще пару дней назад ему такая возможность и в голову не приходила! Но стоило посмотреть на жизнь с чуть другой стороны, и привычная картина мира просто развалилась на куски.

– Тебе смешно, да? – осторожно спросил старейшина.

– Нет. Короче, так, Голова: если ты попробуешь меня наказать или еще что-то... Я расскажу, что ты от Андрея смерть мелких скрыл, и расскажу все, что ты мне говорил о нем. Знаешь, что тогда будет? Слово за слово – и драка. Общинник на общинника пойдет.

– Как же я в тебе ошибался!

– Ага, ты меня за дурачка послушного держал. Но ты ошибся, это точно. Я общине вредить не хочу, Голова. Если и ты не хочешь, то придумаешь, как все объяснить. Там, кстати, у березовских обратился кто-то, вот на нас и выбежал. Ну вот, ты все знаешь. Теперь думай, а я пойду поем. И вот еще что, Голова. Если ты действительно собираешься навести порядок в общине перед зимой, то я готов помочь всем, чем смогу. Но выполнять твои глупые приказы больше не буду. Я сам буду решать, как мне жить.

Голова открыл было рот, собираясь что-то возразить, но Максим круто повернулся и вышел, приложив дверью по лбам двух-трех любопытных мелких. Раздвигая локтями их шумную толпу, он прошел через двор и покинул Цитадель тем же путем, каким явился. Оксана в этот раз промолчала и посмотрела на юношу будто бы с испугом. Спустившись со стены, Максим неторопливой трусцой направился обратно, к кастрюле, издававшей уже аппетитные запахи.

«Когда я ел досыта? – думал он. – Только в детстве. Тогда рожали в основном еще те, кто помнил старый мир. Они любили детей, играли с нами, воспитывали и кормили самыми первыми. Теперь... Из этих мелких никто ни разу в жизни не наелся от пуза. Матери теперь рожают и по десять, и по двенадцать раз, лишь бы в мута не обратиться. Только для того и беременеют, потому что детьми мало кто занимается. Оксана вот, наверное, и по именам всех своих не вспомнит. И плевать ей, сыты ли они, здоровы ли. Общине тоже наплевать: главное,

что их много, а значит, подрастают работники и воины. Кроме того, чем больше детей, тем меньше шансов, что в следующих потомствах уроды будут рождаться. Вот и все! А то, что они дерутся друг с другом за еду, что у малышей куски отнимают – до этого никому дела нет! И никто их ничему уже не учит! Только драться с мутами будут учить, как переведут во взрослые, и работам. Значит, мы дичаем. И ни Голова, ни я – никто ничего не изменит. Даже если Валька прав, и достаточно Андрея... – Он даже мысленно пропустил это слово. – Пройдет год, другой Андрей появится. Или сразу несколько. Хотя Валька молодец: у всех бед есть источник. И в том, что я не желаю больше слушаться Голову, тоже Андрей виноват».

Приближаясь к овражку – совсем не далеко, если ни от кого не скрываться, – Максим заметил торчащую из кустов голову Аллы. Дым валил столбом вверх, но теперь это не играло никакой роли: в обеих общинах уже знали, кто здесь обосновался и что делает. Добежав, Максим лихо спрыгнул вниз и повалился на бок, весело рассмеявшись.

– Не так уж все и весело, – мрачно заметил Валя. – Голова, наверное, обещал меня мелким скормить?

– Тебя? – Максим хохотнул. – Да он тебя и не вспомнил! Все, Валька, я сделал шаг! Я обещал ему, что если он будет требовать мне наказания, то я все расскажу. Все, что знаю. И вообще, доведу дело до выяснения отношений: кто в общине главный, почему Андрей со своими дружками часть урожая припрятывает и чем в секретах Косой занимается! Я даже расскажу, что Маша с кухни приворовывает!

– Вот этого не надо, пожалуйста! – взмолился Валька. – Мы же ей часто помогаем с Алкой, Маша нам доверяет. Не нужно ее подставлять, она хорошая.

– Хорошая, просто ворует у общины! – Максим окончательно развеселился. Ему совсем не было страшно. – Ну, когда уже жрать-то сядем?

– Потерпи еще, пусть проварится. Все-таки ночь лежали... – Хромой повар сунул пальцы в кипящую воду и отщипнул кусочек начавшего развариваться мяса. – Ну, нормально... Еще немного, и я воду почти всю солью, тогда солить буду и еще травок добавлю.

– Перца бы! – вспомнил Максим. – Я, кажется, любил перец.

– Ты еще сахар вспомни! Вот уж его мы точно любили! Новосиб над мешками с сахаром трясся, никого на тот склад не пускал. А сахара много было, они несколько... как их... – Валька наморщил лоб, вспоминая. – Ну, машины на колесах, только большие...

– Грузовики!

– Вот, три, кажется, грузовика с сахаром пригнали, когда обустроивались. Соседи все хотели выменять побольше. Новосиб не давал, он с этим сахаром что-то делал в специальном аппарате, и получалось горючее.

– И грузовики на нем ездили? – такого Максим не помнил. – Врешь!

– Нет, в грузовики его не заливали. Но папа рассказывал, пока был жив, что Новосиб немного в себя заливает. Ну, вот как озерские брагу делают, так и он пил. Но у него была не брага, а горючее. В оружейке стояли бутылки с ним и с тряпочками. Зажжешь – и кидаешь перед мутами. Бутылка разбивается, пламя вспыхивает, мут даже мог загореться сразу. Я знаю, потому что мой папа Новосибу по части оружия помогал. У меня папа раньше был военным, в старом мире.

– С кем же они воевали? Там мутов не было!

– Друг с другом. – Валя пожал плечами. – Я маленький был, может быть, не помню чего-то. Но выходило, что люди воевали между собой. Перестали, только когда муты на всех напали. Эх, Максим, тебя-то Голова побоится тронуть, а мне достанется...

– Хватит ныть! Лучше послушай, о чем я хотел тебе сказать. – Максим сел поудобнее и поближе, чтобы Алла меньше слышала. – Валька, мысли в голову лезут одна страшнее другой, но ведь все к тому, что не такие уж мы и дураки с тобой были, когда мелкими мечтали, что уйдем на юг, к большим городам.

– В Москву? – Валька даже вздрогнул. – Ты забыл, что они рассказывали? Там мутов – миллионы, и в реке, и под землей!

– Да, но там могут сохраниться и люди, выжившие! А у них техника, и даже оружие может остаться. Заводы ведь там, и остальное... – Максим даже не знал, что это «остальное». – И я не про Москву говорю. Есть же города на юге, верно? Вот, пойти на юг. Там тепло, там земля урожаи дает большие!

– Там муты, потому что там тепло. И урожаи все они просто сжирают. Может быть, люди вообще остались только там, где их зимой почти нет! Представь, что тут мутов было бы, как в Москве. Да они бы все наши делянки нашли и все сожрали бы. Даже отбейся мы в Цитадели, зимой передохли бы все до единого.

– Рушится наша община! – не отставал Максим. – Не спорь, тут вопрос только: когда начнется драка. Мелкие подрастают такие, что вообще закона не знают. Они просто привыкли бояться старших, но все это скоро кончится! И чего мы ждем? Вот ты, чего ты ждешь? Когда Андрей или кто-то другой возьмет власть, командовать будет тот, кто сильнее. И тебе, хромому, вообще жизни тут не будет. Давай подадимся на юг, пока еще холода не пришли. Мы быстро идти будем, налегке. Пропадем так пропадем! Зато узнаем, что там, на юге. Вдруг люди приспособились? Мы ведь мечтали, Валька!

– Мы мечтали, что там машины ездят и у всех автоматы есть. – Повар слил почти всю воду и только тогда достал драгоценную соль. – Теперь-то мы знаем, что, если бы было так, они бы давно сюда пришли. Даже прилетели бы!

– Тут тебе крышка, – сказал его неумолимый друг. – Может, год протянешь, а может, два. Потом будет заварушка с мутами, тебя вперед пустят: не жалко. А может, тебя просто зимой убьют и съедят. Кто заступится? Я уйду. Пойдешь со мной – хотя бы увидишь другие края. Ну а если недалеко уйдем и погибнем, так не о чем тужить: и тут сгинем.

– Не сгинем, если Андрею кто-нибудь шею свернет! – Валька повернулся к Максиму и вперил в него требовательный взгляд. – Я тебе помогу, Макс! Я даже... Если не хочешь, я сам его зарежу, вот этим лезвием, что отломилось! Но ты должен его держать, один я не справлюсь.

Максим скривился и уставился в огонь. Он понимал, что первое открытое убийство в общине произойдет скоро, может быть, даже очень скоро. Но убить самому... Андрей – не мут, он свой. И когда в очередной раз муты будут стоять под стенами Цитадели, они друг другу будут спину прикрывать, как и все общинники. И убить-то его нельзя как-нибудь в драке, ведь дружки заступятся. Только в спину, только предав... Максим понял, что просто не состоянии даже думать об этом.

– Валька, для общины это ничего не изменит, только отсрочит конец.

– Мы растем! – Валька схватил его за плечо. – Пусть Голова будет старейшиной, а мы придумаем, как его заставить делать то, что нужно! Он слабохарактерный, ну и отлично, нужно всего лишь этим воспользоваться. Вот не станет Андрея, и мы ему пригрозим, что скажем всем, что это он приказал. Он испугается! И еще, мы заранее будем с другими старшими разговаривать, чтобы когда придет их время, они тоже нас слушали. Постепенно наберем силу, потому что надо с мелкими еще подружиться. Их не воспитывают, а мы некоторыми, кто постарше, займемся! Вот они и будут знать, что хорошо, а что плохо. Сам я не смогу, но тебя они послушают, у тебя характер есть.

«Да ты, я вижу, много думал! – усмехнулся про себя Максим. – Все спланировал, в мыслях-то! Но на самом деле просто боишься уйти в неизвестные места. А я вот не хочу возиться с Головой, с Андреем и мелкими. Надоело мне все. Если не досталось счастья в старом мире пожить, то уж в этом прозябать я точно не хочу! Или найду себе место потеплее, или пропаду пропадом».

– Значит, я уйду один, – вслух сказал он, надеясь, что Валька передумает. – Ну, не завтра, конечно. Надо подготовиться.

Валя промолчал. Спустя несколько минут напряженного молчания Максим вскочил и, обжигаясь, схватил кастрюлю.

– Не могу больше ждать, уже кислота живот разъела! Давай жрать! От пуза!

Рассмеявшись, приятель помог ему слить воду и выбросить дымящиеся куски мяса на заранее приготовленные лопухи. Они ели жадно, вгрызаясь в сочную плоть, и совершенно не думали о том, кому она принадлежала. Муты в общине ели давно, почти с самого начала. Были те, кто брезговал, но давно уже перевелись. Люди не живут долго – кто не погиб от муты, голода, болезней или несчастных случаев, обращаются сами. Только дети да беременные бабы могут чувствовать себя спокойно, но и баба не может беременеть бесконечно. А значит – ешь, если есть что поесть! Почти всю свою жизнь оба парня провели впроголодь.

– Присоединяйся, Алка! – неразборчиво, с набитым ртом, позвал девушку Максим. – Может, выздоровеешь!

Алла отвернулась. Она помнила, что так поступала ее мама. Кто был ее отцом, Алка не знала, но зато гордилась дедушкой. Никто уже и не помнил, кто ее дед. Но девушка была уверена: он бы тоже не стал есть муты и сейчас гордился бы ей. Ведь муты – почти такие же, как люди, только однажды они тяжело заболели. И каждый может заболеть, потому что лекарства нет. От этой мысли по щекам Аллы покатались слезы: если она не может забеременеть, то жить будет совсем недолго. И, может быть, однажды попадет в кастрюлю к этому тупому Вале и его грубому, прожорливому другу.

Челюсти устали от жевания, они не привыкли к такой напряженной работе. Животы у обоих едоков надулись, лица залоснились, а на блестящих от жира губах расцвели улыбки. Еда – единственное настоящее удовольствие! Поспать вволю можно зимой, спи хоть до весны, если ничего не случится. Женщины сговорчивы, хоть старшие и ворчат. Какая им, женщинам, уже разница, от кого беременеть? Конечно, в общине были пары, точнее, еще остались. Но понятие «измена» как-то само собой утрачивало смысл. А еда, при их голодных зимах, когда приходится ограничивать себя во всем, и полуголодном теплом времени года, когда приходится постоянно думать о зиме, еда остается наслаждением. А уж если ее много, если она вкусна и никуда не надо спешить! Они просто опьянели, хотя никогда в жизни не пробовали спиртного.

– Что-то у меня громче обычного в животе бурчит, – заметил Валька, когда они уже с час просто валялись рядом и смотрели в небо. – Слышишь?

– Слышу, но я думал, это у меня.

Над ними встала Алла, голодная и сердитая.

– Если сейчас хоть один мут придет, то убьет и съест всех! – строго сказала она. – Топлива нет совсем, я весь овраг обобрала. Без огня нельзя тут оставаться. Вода близко, а Цитадель далеко!

– Как ты мне надоела... – начал было Максим, но понял, что сейчас не время для споров.

Выругавшись, он побежал по извивавшемуся оврагу, на ходу расстегивая штаны. Не успел устроиться за поворотом, как рядом оказался и Валька, с той же проблемой.

– Может, не доварилось мясо? – озабоченно спросил он, устраиваясь. – Алка-то права: вот сейчас придет мут, а мы и не пошевелимся!

Вместо ответа Максим засмеялся и остановиться смог только из-за рези в животе. Ему вторил Валька: на сытый желудок живется спокойнее и мир кажется совсем не страшным. Их веселье не разделяла только Алла, которая переместилась так, чтобы видеть хотя бы их ноги, и экономно жгла остатки хвороста. Она и заметила березовских.

– Подтирайтесь скорей! – грубо потребовала девушка. – Опять те парни идут! Стыдно за вас! Обожрались, да продристались, с пустыми животами остались...

– Много ты понимаешь! – прикрикнул на нее Валька и потянулся к лопухам. – Что им надо-то?

– Откуда я знаю? – Алка стояла на цыпочках, осторожно выглядывая из оврага. – Тот, разговорчивый, идет, и еще двое с ним.

– Мясо мы все съели, что волноваться? – разумно заметил Максим. – У нас с Березовым срубом ссор никогда не было. Вот озерские, те другое дело.

Кое-как приведя себя в порядок и все еще морщась от бурления в животах, они выбрались из овражка на луг и степенно дождались соседей. Тот, с русой бородкой, важно вышагивал первым, поигрывая кистенем с поблескивавшим стеклянными остриями грузом. Смотрелось красиво, особенно на солнце, но по сути затея пустая: мутам на эти осколки наплевать, да и валяется их вокруг сколько душе угодно! То ли дело целые бутылки или стекла оконные. Вроде бы озерские говорили, что умеют плавить стекло и бутылки выдувать, но, скорее всего, наврали по обыкновению. Болтливого сопровождали двое помоложе, оба при крепких рогатинах.

– Потерял что-нибудь? – издали крикнул Максим вместо приветствия.

– По тебе соскучился! – отозвался гость. – Старейшины по зеркалам поговорили, решили торг делать, прямо тут. Вы там, мы слышали, без соли уже остались? Ну, значит, зимой снег жрать будете, если мы не выручим. Снег-то солить не надо, он сладенький. Верно я говорю, красавица?

Алла отвернулась и молча спустилась обратно в овраг. Парни переглянулись: день был солнечный, и старейшины действительно могли пообщаться, передавая сигналы «зайчиками». Способ старый, а код такой же, как и при ночных разговорах с помощью факелов. Русобородый хихикнул и протянул Максиму руку:

– Я Алекс. А это Егор и Длинный. Длинный, у тебя еще какое-то имя есть?

– Гриша, – хмуро отозвался Длинный, и Максим понял, что он даже моложе Аллы. – Все Длинным зовут. Давно.

Когда Максим и Валька представились, Алекс повел степенный, но нудный разговор о том, что урожаи все хуже, молодежь растет тупая, а бабы рожают и рожают, как не из себя. Макс все больше помалкивал, кивая, а Валька умело задавал наводящие вопросы, чтобы побольше узнать о соседях. Несмотря на то, что жили общины бок о бок, в гости друг друга звать было не принято.

– Да много мелких, – рассказывал Алекс. – Вот нас было немного, мы и росли не такими дурнями. А эти – они ведь даже машины на ходу не видели!

– А ты видел? – не удержался Максим.

– Ну... – Алекс поскреб подбородок. – Машину – не помню. А вот мопед у нас только лет десять назад так сломался, что уж не починили. А до того гоняли на самогоне.

– На чем? – не понял Валька.

– Ну, на горючке! Ах, у вас же аппарата нет! – Сосед торжествующе взглянул на свою свиту. – Вот буду старейшиной, угощу. Но немножко, потому что дорогая штука. Хотите больше – платите! У вас-то как урожай? Мы бы, может, и взяли немного зерна. Но в общем-то, нам хватает. Вот кастрюлю взяли бы...

Он кивнул на овраг. Оттуда донеслось ворчание Аллы.

– Кастрюля общинная, – строго сказал Валька. – Аппарат, значит, у вас есть... А сделать можно его?

– Нет, конечно! Как ты змеевик сделаешь? – Алекс посмотрел на него, как на несмышленьша. – Ну, вы сегодня животы набили, как я понимаю! И куда в вас влезло столько? Да

самые лучшие куски, я все заметил... Нам пришлось мута в Сруб вести. Там уж старшие поделят, кому сколько полагается. А у вас, значит, не так?

– Вам разрешается есть тех, кто из ваших же обернулся? – Максим решил проигнорировать вопрос соседа. – У нас считается, что нельзя. Мы ведь с ним кровь и стол делили.

– И что делаете? – Алекс, кажется, искренне удивился. – Закапываете, что ли, или сжигаете просто так? Глупо. Он не человек уже, зачем же церемониться. Ладно, дело ваше, живите как хотите. А на мопеде том даже я катался, сзади, конечно. Мой братец старший, в живых его уже нет, хорошо ездил. Колеса только надо было корой обматывать, чтобы ход помягче был. На твердой земле, рассказывают, муты его догнать не могли!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.